И небо в подарок

Автор:
Оксана Гринберга

И небо в подарок

Оксана Гринберга

Меня ничего не держало в собственном мире, да и в новом – лишь обещание, данное отцу, королевский отбор, на который угодила совсем некстати, и мужчина, о ком можно лишь помечтать. Но за его сердце борются двадцать пять претенденток, и битва пойдет не на жизнь, а на смерть.А еще – старые враги, древние тайны и синее, бездонное небо Улайда, которое так и манит расправить крылья и взмыть в высоту. Жаль только, что у меня их нет… В оформлении обложки использованы иллюстрации Елены Совы.

Глава 1

Он лежал на узкой тахте в своем кабинете и дышал тяжело, сипло. На лбу выступила испарина, губы потрескались. Черные волосы с первой проседью спутанными прядями лезли на глаза, однако отец даже не потрудился их убрать. Но куда больше меня испугал его мутный взгляд. На миг показалось, что папа меня с трудом узнает.

И я тяжело опустилась на край тахты. Осторожно приложила руку к его лбу и тут же отдернула: тот показался мне раскаленным.

– Папа, ну как же так?! – пробормотала растерянно. – Я… Я сейчас, погоди!

Подскочила, в ужасе заметалась по папиному кабинету. В полумраке – горел лишь небольшой торшер в дальнем углу – зацепилась бедром за письменный

стол, привычно заваленный бумагами, исписанными ровными рядами закорючек. Отшатнулась, едва не сбив головой нависающие над столом книжные полки. Кабинет у папы был маленький, захламленный – стол, стул, тахта и разбросанные повсюду книги вперемешку с рабочими тетрадями. Споткнулась еще и о собственный рюкзак, брошенный на полу возле тахты, но все-таки добралась до дверей и кинулась в гостиную.

Я не понимала, как же так вышло. Потому что утром, когда уходила на занятия в Спортивную Академию, папа выглядел вполне здоровым и не жаловался на плохое самочувствие. Помню, поцеловала его в щеку с отросшей колючей щетиной и мельком отметила, что глаза у него красные, а вид уставший. Но решила, что отец по привычке засиделся до утра над своими бумагами, в которых я ничего не понимала, а он не предпринимал ни единой попытки мне объяснить – запретная зона, табу, оставь надежду всяк входящий!.. Поэтому посоветовала ему завязывать с кофе и обязательно позавтракать, а то он на человека не похож.

На это он лишь усмехнулся, а я, помахав ему на прощание, ушла на лекции. Но когда вернулась, то… Получила вот это!

Кинулась к антикварному комоду, добытому отцом на какой-то распродаже – или же привез откуда-то, мне не доложив, – соседствующему с тумбочкой и телевизором, который вот уже больше полугода никто не включал. Плюхнулась на колени, затем принялась судорожно выдвигать ящики, слабо представляя, что мне теперь делать. Со спортивными травмами я отлично справлялась, а с высокой температурой как-то не доводилось…

С третьего раза все же отыскала нужное – жестяную аптечную коробку, в которой бабушка Зина хранила свои сердечные капли и таблетки от давления. Почему-то решила, что там обязательно будет жаропонижающее, надо только хорошенько поискать.

Должно же оно быть?!

Нет, не то! Все не то… И это тоже не годится! Откопала среди множества коробочек с неизвестными мне названиями несколько знакомых пластырей, которыми бабушка заклеивала мои вечно разбитые колени, мазь от синяков и ушибов и еще ртутный градусник. Но так и не обнаружила того, что могло бы

сбить высокую температуру!

Наконец, нашла силы признать, что я ничегошеньки не понимаю в таблетках, а рядом не было никого, кто помог бы мне советом – сказал бы, какое чудодейственное лекарство дать отцу, чтобы он сразу же выздоровел! – потому что бабушка Зина умерла еще прошлым летом, дед Вася – на два года раньше нее. Мы же с папой никогда не болели – ну вот совсем! – и эпидемия гриппа, терзавшая Н-ск еще с конца января, к середине промозглого, слякотного марта только набравшая силу, для меня была лишь бубнежем дикторов по радио или мельком увиденными заголовками в новостных разделах. А еще – отсутствующими учениками в моей детской группе по акробатике, которую я тренировала три раза в неделю в Олимпийском Центре.

Ровно до этого дня.

– Ника… – услышала хриплый голос отца. – Ника, подойди!

Я перестала гипнотизировать аптечный ящик и кинулась в кабинет.

– Да, папа! Уже бегу!

Снова опустилась рядом с ним на тахту, погладила его по руке, затем по щеке, после чего вцепилась в мобильный телефон. Какая же я дура! Ну конечно… Если я не знаю, что делать, то существуют вполне компетентные люди, которые это знают. Они приедут и помогут, нужно только набрать заветный номер службы. Срочно, сейчас же!

Но позвонить в «Скорую» отец не дал – схватил меня за руку, сжал сильно, до боли.

– Мы должны вернуться в Боровку, – произнес он хрипло, и я ужаснулась тому, каким странным стал его взгляд. Расфокусированным, словно папа смотрел на меня и не узнавал. – Сегодня же, Ника!

– Пап, ну какая еще Боровка?! – растерялась я окончательно. – Ночь на дворе, а у тебя высокая температура. Наверное, грипп подхватил, им сейчас полгорода болеют… Погоди, я вызову «Скорую», тебе нужно в больницу.

Но в больницу отец не хотел. Вместо этого рвался в Боровку – деревню в трехстах километрах от Н-ска, где стоял двухэтажный деревянный дом с красной черепичной крышей, синими облезшими воротами, летней кухней в небольшой пристройке, банькой и поленницей, которую я так старательно складывала, любуясь своей работой, а она исчезала в два счета, стоило лишь ударить холодам.

– Мне нужно все закончить, – произнес он упрямо. – Я всего лишь в полушаге от разгадки. Осталось совсем немного, Ника!

И попытался подняться. Я протянула руку, чтобы его помочь, но отец меня оттолкнул. Раз за разом старался сесть сам, но так и не смог – не хватило сил. Наконец, хрипло дыша, откинулся на подушку и закрыл глаза.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Так жутко, как никогда ранее.

– Ты отвезешь меня на своем мотоцикле, – неожиданно произнес он, и его веки задрожали. – Я не смогу за руль, а то бы сам… Сам добрался!

– Мы обязательно поедем, – пообещала ему, кусая губы – Но сейчас ты полежи, не вставай. Погоди! – Сбегала на кухню, протянула кружку – его любимую, с изображением Красной Площади. Три года назад мы ездили в Москву на экскурсию – папа, бабушка с дедушкой и я. – Вот, выпей… Тебе надо много пить! – Но его зубы клацали о край, проливая воду на домашний халат. – Обещаю, папа! Но сперва в больницу…

И я все-таки вызвала «Скорую».

Ждала ее, изнывая от тревоги возле отца, метавшегося в жару, бормотавшего что-то о золотых куполах и еще крови, которая всех-всех спасет. Затем, не выдержав, сбежала на кухню. Вглядывалась с четвертого этажа в промозглый мартовский вечер, прислушиваясь к звукам проносящихся по невидимому отсюда проспекту машин. Смотрела на качающийся на ветру фонарь возле нашего подъезда, заключенный в желтоватый колпак моросящего дождя, и спящую детскую площадку со скрипучими качелями – в детстве я крутила на них «солнышко», пугая до сердечного приступа старушек на лавочках.

«Скорая» никак не ехала.

Вернувшись в кабинет, я вновь попыталась напоить отца, но его трясло все сильнее. И меня колотило вместе с ним.

– Скоро! – пообещала не столько ему, сколько себе. – Очень скоро они приедут, и все будет хорошо. Тебя быстро поставят на ноги. Вот, – смочила полотенце и приложила на смуглый лоб. Капли потекли по его лицу, испаряясь почти моментально.

– Я уже никуда не поеду, – неожиданно произнес отец совершенно спокойно, и его взгляд стал вполне осмысленным. – Это Красная Лихорадка, Ника! От нее нет спасения.

– Это грипп, папа! – возразила ему. – Всего лишь обычный грипп… От такого не умирают, так что ты мне это прекращай! Какая еще Красная Лихорадка?!

Но слушать меня он не стал.

– Я всегда думал, что времени у меня предостаточно… Много времени, чтобы все тебе объяснить! Но я ошибался. Оно на исходе, а так много тебе не сказал. Ника, ты должна… Пообещай мне, сейчас же!

– Обещаю, папа! – сказала ему, кусая губы. – Вернее, я клянусь, что очень скоро тебе станет получше.

Но он не слушал, твердил свое.

– Пообещай, что ты обязательно поедешь в Боровку и уйдешь через разлом в Улайд!

Услышав это, я едва не взвыла от отчаянья. Ну где же врачи? Отцу становилось хуже, он уже бредил, а они все не едут!

– Какой еще разлом, папа?! – спросила у него, глотая слезы, стараясь не всхлипывать. По крайней мере, не слишком громко. – Что такое «Улайд»?

– В Черной Топи, – произнес отец терпеливо, – есть разлом. Ты знаешь это место, однажды я там тебя поймал… Три сломанных березы, запросто его найдешь! – и он снова схватил меня за руку.

Я уставилась на его длинные бледные пальцы, решив не возражать. Разлом, так разлом…

– Шкатулка, Ника! – продолжал отец. – Обязательно возьми с собой шкатулку. В ней – твое наследство.

– Шкатулка?! – все же не выдержала. – Какая еще шкатулка? Какое еще наследство, пап?! Ты мне это прекращай! Ты что это мне удумал?..

– Не перебивай, нет времени. Возьмешь шкатулку в сейфе в подвале, затем уйдешь через Черную Топь. – Отец снова до боли сжал пальцы. – Наследство, Ника… Все тебе! Но передай королеве Керрае, что она была не права. Она не должна была так делать! Из-за этого все и началось, и теперь Улайду грозит гибель…

– Конечно же, не должна! – согласилась с ним, чувствуя, как рот наполняется кровью из искусанной губы.

Значит, королева Керрая была не права, и Улайду грозит гибель?.. Все оказалось значительно хуже, чем я думала.

– Пообещай мне!

– Обещаю, папа! Вернее, я клянусь.

Поклялась, потому что была готова на все, лишь бы он перестал смотреть на меня вот так – словно застыл на грани, отдавая последние распоряжения, готовый вот-вот перешагнуть черту, отделяющую мир живых от призрачных теней.

– Хорошо, – отец разжал руку, и я уставилась на красный след на своем запястье. – Видар тоже был не прав, – пожаловался мне. – Зря он так… Это было не правильно, Ника!

Дальше я уже не разобрала – кажется, отец снова забормотал что-то о сердце, крови и драконах.

– Не прав, – согласилась с ним глухо. – Конечно же, он был не прав! Они все ошиблись, папа. И наш бывший мэр, который брал взятки, а теперь сидит, и правительство с их пенсионной реформой…

Черт, что же я несу?!

Но отец меня не слушал, упрямо твердил о своей королеве Керрае. Затем внезапно произнес:

– Скажи ей, что Улайд спасут золотые крылья. Это очень важно, Ника! Поклянись…

– Какие еще крылья? – воскликнула я в полнейшем отчаянии. – Как я это ей скажу?!

Но больше ничего связного от отца я так и не услышала. Взгляд его снова помутнел, с губ срывалось лишь неразборчивое бормотание, из которого я смогла вычленить все те же слова о крыльях, крови и драконах.

Черных, красных и золотых.

Но потом все-таки приехала «Скорая», и я смотрела на бригаду уставших медиков, как на сошедших на землю ангелов. Была готова в них уверовать, решив, что они принесли нам с папой спасение. И мои страшные мысли о том, что я вижу отца живым в последний раз, оказались всего лишь глупыми страхами.

Разъедающими мою душу демонами.

Потому что я не могла его потерять! Это попросту не укладывалось в моей голове. Он – крепкий и здоровый мужчина в рассвете сил, на моей памяти ни разу не болел, с чего бы ему умирать от гриппа?!

Ведь от такого не умирают, я… Я где-то это слышала!

К тому же у нас с ним – собственный нерушимый мир, в котором мы очень-очень счастливы, и этот мир не может взять и исчезнуть в одночасье из-за какого-то там глупого гриппа!

А еще, эгоистически думала я, он попросту не имеет права меня бросить, потому что кроме отца у меня больше никого не было. Матери я не знала, говорить о ней в нашей семье было запрещено – очередное табу, придуманное папой. Бабушка с дедушкой умерли, и мы остались с ним одни. Держались друг друга, потому что оба были слегка не от мира сего.

В школе я не слишком-то водилась с одноклассниками, как, впрочем, и в Спортивной Академии. Было несколько друзей с тренировок, которые за глаза называли меня «Бешеной».

Наверное, потому что я никого не трогала, но обижать себя не позволяла.

Папа же был попросту одержим своей работой, которая заставляла его постоянно исчезать то на несколько дней, а то, случалось, и на пару недель. Затем, по возвращении, он днями и ночами просиживал в своем кабинете, исписывая аккуратными закорючками тетрадные листы – он предпочитал ручку и бумагу, хотя на первые свои заработанные деньги я подарила ему лаптоп.

Быть может, потому, что не слишком любил технику?.. Относился к ней настороженно, да и она не особо его жаловала. Бытовые приборы чихали, фыркали и сбоили в его руках, а машину отец водил так, что, став постарше, я частенько сомневалась, доедем ли мы из Н-ска до Боровки в целости и сохранности.

Впрочем, водил он редко – пока был жив дед Вася, тот всегда сам садился за руль отцовской «Ауди», ворча, что папаша у меня с завихрениями. Потом уже я получила права, и этот вопрос разрешился сам по себе.

Несмотря на все «завихрения», я очень его любила, нисколько не волнуясь, чем он занимался и что за таинственные фонды и университеты платили ему зарплату и давали гранты на его исследования. Потому что деньги у нас водились. Но это была очередная запретная зона, в которую он никого не пускал, заявив, что всему свое время и он обязательно мне обо всем расскажет.

Но он ошибся. Этого самого времени нам все же не хватило.

Именно оно забрало у меня бабушку с дедушкой – пусть они были «приемными», как мы их с папой называли, но я любила их, как родных. Теперь от них остались лишь воспоминания, две могилы на старом Боровском кладбище и еще деревенский дом, где я прожила до шести лет, а потом проводила почти каждое лето.

Именно там, по словам моего отца, в сейфе в подвале хранилась шкатулка с моим наследством, а за кривоватым забором начинались бесконечные леса, где раскинулась Черная Топь – огромное болото, занимавшее добрую часть Н-ской области. Там же, по словам отца, находился разлом, ведущий в Улайд, который мне следовало найти, чтобы выполнить данное ему обещание…

Тут я себя одернула. К чему эти мысли о клятве и наследстве, если… оно мне совсем ни к чему? Прочь, надо гнать от себя дурные мысли! Отца в больнице быстро поставят на ноги, потому что современная медицина творит чудеса. К тому же он всего-навсего заболел гриппом. Тянул до последнего, не признавался, что ему плохо, а потом попросту свалился.

Это я и сказала молодому медику, который принялся было заполнять бесконечные бумаги. Но бросил, потому что бригаде «Скорой помощи» стало не до этого.

Отец потерял сознание и, несмотря на попытки медиков вернуть его к жизни, умер по дороге в больницу.

Глава 2

В Боровку, чтобы выполнить свое обещание, я приехала ровно через неделю после папиных похорон. В тот день мне как раз исполнился двадцать один год, и я решила «отпраздновать» свой юбилей в холодном деревенском доме.

В одиночестве, потому что мне никого не хотелось видеть.

Добиралась до деревни на своем мотоцикле, не особо разбирая дороги и не слишком понимая, как при этом удалось не разбиться, – потому что путь, который обычно занимал около четырех часов, я проделала за полтора.

Но я всегда любила скорость. Иногда, несясь под двести километров в час по шоссе, мне казалось, что я не еду, а лечу. И что небо манит, зовет меня за собой, обманчиво суля абсолютную свободу.

Правда, на этот раз оно было свинцовым, словно налитым темно-серыми, тяжелыми слезами. Смотрело на меня безразлично, будто бы спрашивая, кто я такая и как посмела упрекать его за то, что забрало у меня отца.

Но оно забрало не только его – еще и дедушку с бабушкой, а следом за всей семьей и мою привычную жизнь. Потому что после смерти отца учеба в Спортивной Академии – третий курс, как-никак! – собственные тренировки и даже моя детская группа по акробатике – все это полетело в тартарары, оказавшись для меня совершенно не важным.

Мой привычный, уютный мир рухнул в одночасье, и теперь я замерла на распутье, не особо понимая, что делать дальше. Похожее ощущение у меня было шесть лет назад, когда я ушла из большого спорта. Бросила гимнастику, выбрав свободу и жизнь по своим собственным правилам.

Но сейчас?.. Что выбрать сейчас?

Куда мне податься?

Уехать из Н-ска, потому что больше не было сил оставаться в пустой квартире, где каждая вещь напоминала мне о прежней счастливой жизни? Бросить учебу в Академии, мысль о возвращении в которую казалась невыносимой? Или, быть может, вернуться в большой спорт, в котором меня никто не ждал, кроме моего старого тренера, ведь форму я до сих пор не растеряла?

Этого я не знала, но надеялась, что именно в Боровке я найду ответы и что старый дом, который получила в наследство от своих «приемных» бабушки и деда, поможет мне заново обрести себя.

У них, кстати, была родная дочь, но та давно перебралась в Москву. Затем укатила в Нью-Йорк, после чего, по словам разобиженного деда, старательно разрывала любые связи со своим «нищенским» прошлым в российской глубинке. Настолько этим увлеклась, что даже родную внучку забыла показать.

Но двадцать лет назад им на голову свалился мой отец – непутевый ученый с младенцем на руках. Вышел из леса прямиком к крайнему дому в деревне – тому самому, с красной черепичной крышей, синими полинялыми воротами, бабушкиными парниками и гаражом, в котором дед Вася постоянно чинил свою старенькую «Ладу» и вечно чихающий «ИЖ-Планету».

Ничего объяснять не стал, просто сунул им на руки плачущую годовалую девочку. Вот и пришлось старикам заботиться, причем не только о малышке, но и о моем отце, который, по словам деда, был с «серьезными завихрениями».

И они позаботились и очень хорошо – вырастили меня, затем без вопросов перебрались в купленную отцом квартиру в Н-ске, потому что мне нужна была нормальная школа. Каждое утро бабушка заплетала мне косы и готовила обеды, таскала на тренировки, пока я не стала ездить в Олимпийский Центр сама. Дед научил ловить рыбу, кататься на велосипеде, а потом и на мотоцикле, и неплохо стрелять – мы ходили с ним на охоту, – в то время как мой отец продолжал пропадать, с головой погруженный в свои исследования.

Правда, иногда он занимался и мной – мы играли с ним в странные игры, которых не знали мои сверстники, и говорили на странном языке, аналога которому я так и не нашла.

Бабушка и дед терпеливо у него ни о чем не спрашивали, потому что, подозреваю, заключили с папой негласный договор – он не отбирает у них меня, а они не задают ему лишних вопросов.

И мы были счастливы. А потом они все умерли – все, все! – оставив меня одну на грязной дороге, с покрытыми темными корками льда лужами, на рычащем мотоцикле возле нашего старого дома.

Последний раз мы с папой приезжали сюда ранней осенью, через месяц после похорон бабушки. Я разбирала ее вещи, а отец привычно пропал на несколько дней. Куда он уходил? Зачем? Я давно уже ничего не спрашивала, понимая, что

ответов все равно не будет. Что папа по привычке заявит, что еще не время и он расскажет мне обо всем позже.

«Позже, Ника! Ты еще маленькая, у нас с тобой полно времени!..»

Но он ошибся, времени нам как раз не хватило. Да и как его может хватить?..

Помню, как в тот раз я складывала бабушкину одежду, собираясь отдать ее в церковь. Но разве можно это отдать? Эти расшитые ее руками наволочки? Вязаные крючком белоснежные скатерти? Перину, которую она сбивала мне каждый вечер перед сном? Куда деть воспоминания, от которых постоянно слезы на глазах?.. О чае с клубничным вареньем, о запахе свежеиспеченного хлеба и парном молоке в стакане, дожидавшемся меня на кухне?

Куда все это? Кому все это?

А резиновая лодка в гараже по соседству со старым мотоциклом, удочки и снасти, охотничьи ружья деда, запертые в сейфе? Быть может, оставить моим детям, чтобы и они росли счастливыми и свободными? Но мне уже двадцать один, а к этому времени меня никто так и не заинтересовал – ни одного кандидата в будущие мужья!

Пробовала однажды, встречалась с парнем из Академии. Цветы, кино, комплименты… Но дальше поцелуев у нас ничего не зашло. Они вызывали у меня легкое недоумение, переходящее в раздражение, и я решила все это прекратить, подумав, что со мной что-то не так. Гормональный сбой вкупе с заводским дефектом. Какие уж тут дети?!

Вздохнув, потрясла головой, разгоняя воспоминания о прежней жизни. Я была в ней счастлива, несмотря на серьезный заводской дефект и мелкие жизненные неурядицы.

А сейчас?..

Сейчас я открыла ворота и отогнала свой новенький мотоцикл – подарок папы на двадцатилетие – к гаражу. Поднявшись на цыпочки, отыскала под крышей тяжеленный ключ от дома. Прошла по дорожке мимо укрытых на зиму розовых

кустов – бабушка научила, – махнула с крыльца боровскому старожилу деду Захару, пришедшему посмотреть, кто приехал.

Подозреваю, это было единственным его развлечением на сегодня, потому что зимой и ранней весной здесь смотреть особо было не на что – если только на непролазную грязь и подтаявшие серые сугробы.

Молодежь давно уже перебралась в город, а за ними потянулись и те, кто постарше. В Боровке оставались лишь несколько стариков, которым попросту было некуда податься. Правда, к лету деревня оживала – появлялись дачники, а по пыльным улицам вдоль кривоватых заборов носилась на велосипедах вывезенная на природу детвора.

– Что, Никусь, отдохнуть приехала? – спросил дед Захар прокуренным голосом, затем шмыгнул покрасневшим на морозе носом.

Кашлянул, выругался негромко, вспомнив недобрым словом чью-то мать.

– Да, дядя Захар, – ответила ему. – Отдохнуть.

– А батя твой?

– А батя мой не приехал.

– Ну, раз так, то… – он снова кашлянул. – Если что надо, то ты приходи, – произнес неуверенно, потому что знал, что я не приду.

Окинул меня взглядом с ног до головы – затянутую в черную кожу, с золотистыми непослушными локонами, выбивающимися из-под темной облегающей шапочки, которую я надевала под мотоциклетный шлем. Пожав плечами под серым ватником, захлюпал ногами в необъятных резиновых сапогах по боровской грязи в сторону ближайшего магазина.

Идти до него было всего лишь пять километров.

Дед Захар ушел, а я прошла в дом. Затопила печь. Затем, прислушиваясь к размеренному потрескиванию дров, выпила холодной колы, выловив ее из

черного рюкзачка. Отломила кусок хлеба – оказалось, так вкусно вприкуску с сыром! Быть может, потому, что последний раз я ела…

Наверное, вчера. Или, возможно, позавчера.

После смерти отца подобные вещи меня мало интересовали, потому что перед глазами постоянно вставал свежий черный холм на Новом Кладбище и серый мраморный памятник с надписью: «Теперь ты принадлежишь небу». А еще выбитое на нем имя – «Ариан Гардов» – и дата его смерти, потому что я даже не знала дату его рождения.

Я почти ничего о нем не знала! Кроме того, что папа жил, растил меня и что-то старательно записывал в своих тетрадях на языке, которого я не понимала. Странные черточки и закорючки, издали похожие на руническое письмо, тогда как вблизи… они ни на что не были похожи! А потом он взял и умер от гриппа. Сгорел за день, и в больнице мне выдали бумаги о смерти. Что-то спрашивали о вскрытии, но я лишь покачала головой.

Зачем? Кому это нужно, если его уже не вернуть?

И мне даже некому было сообщить о его скоропостижной кончине – в его университет или же фонд, где он работал, потому что в потертом кошельке отца я нашла лишь несколько мятых купюр и ни одной визитки. В мобильном телефоне тоже был всего один номер.

Мой.

И ни одного входящего или исходящего звонка.

Вот и все!.. Он взял и ушел в мир, из которого уже не возвращаются, а я осталась. Но перед смертью он взял с меня обещание, которое я собиралась исполнить – уйти через разлом в Черной Топи и сказать королеве Керрае, что та была не права. А еще то, что Улайд спасут золотые крылья.

Понимала, что это все горячечный бред и на болоте я найду… болото, но все равно думала туда отправиться, а после начать новую жизнь с чистого листа.

Но сперва мне надо было разыскать свое наследство.

Прошла по чистым полам, оставляя за собой грязные следы. Спустилась в холодный подвал, где стоял сейф – здоровенный, проржавевший по углам железный ящик, в котором дед Вася хранил свои охотничьи ружья, а отец, по его словам, оставил мне заветную шкатулку. Комбинацию я прекрасно знала – та же самая, что открывала наш сейф в городской квартире, где всегда лежала приличная сумма на повседневные расходы, о происхождении которой папа ни мне, ни бабушке с дедом никогда не отчитывался.

Он вообще никогда и ни о чем нам не отчитывался.

Распахнув скрипучую дверцу, погладила холодные бока дедовых ружей, с трудом подавив очередной слезливый приступ. Затем нащупала на верхней полке завернутую в светлую тряпицу небольшую прямоугольную шкатулку. Развернула – надо же, на ней был изображен парящий в небе дракон! Странным делом меня это порядком взволновало. Почему-то сладко ухнуло сердце, словно я была… на правильном пути.

Провела пальцем по деревянной поверхности, очерчивая контуры крылатого монстра, но больше ничего не почувствовала – лишь промозглый холод подвала, от которого не спасали ни теплый свитер, ни кожаная куртка.

Прихватив шкатулку, вернулась с ней на кухню. Положила ее на стол, еще с бабушкиных времен накрытый белоснежной вывязанной крючком скатертью. Повернула небольшой ключик, и замок щелкнул, после чего я решительно подняла крышку, уставившись на свое… гм… наследство. Внутри лежали пожелтевший от времени свиток, перевязанный красной ленточкой, и золотая цепочка с кулоном в виде капли.

Вот, собственно говоря, и все.

Но, с другой стороны, чего я ждала?! Злата и драгоценностей? Чашу Грааля или же запечатанный туб с надписью «Осторожно, бактериологическое оружие»?

Признавшись себе, что не удивилась бы даже бактериологическому оружию, потому что понятия не имела, чем занимался отец, покрутила в руках кулончик. Он оказался совсем простеньким, никаких тебе замочков или секретных

пружинок, лишь золотая капелька на тонкой цепочке. Пожав плечами, сунула ее назад, в шкатулку, после чего взялась за свиток. Развязала ленточку, раскрутила, уставившись на знакомые закорючки, которыми были покрыты страницы толстенных папиных тетрадей.

После его смерти я пыталась их перевести – скопировала текст, закинула его в Интернет, но этот язык не распознала ни одна поисковая программа. Пришлось просто сложить все его записи в коробки, надеясь на то, что на мой или папин телефон позвонят те, кому они будут нужны. Но мне до сих пор никто и не позвонил.

Усмехнувшись, подумала, что папе это бы понравилось – вполне в его духе! Сам придумал, сам зашифровал, а теперь ни одна живая душа не способна перевести то, что он написал, потому что ни одной живой душе это не нужно.

Если только его дочери.

Но как же мне теперь быть? Каким образом прочесть то, что написано в свитке? Я снова уставилась на незнакомые буквы, затем перевела взгляд на сургучную печать в самом низу листа. На ней был изображен дракон, изрыгающий пламя, а рядом с ним темнело пятно, словно кто-то неаккуратно приложился к свитку испачканным пальцем.

И я опять усмехнулась. Вот, собственно говоря, и все мое драконье наследство! Но раз я его получила, то оставалось лишь найти три сломанные березы в Черной Топи и передать королеве незнакомого мне Улайда, что та серьезно ошибалась.

При этом я прекрасно понимала, что вернусь ни с чем. Но упрямо сунула шкатулку в рюкзак, в который до этого сложила сменную одежду. Добавила туда бутылку с водой и бутерброд, после чего, прихватив ружье из подвала, вышла из дома и направилась к гаражу.

День клонился к вечеру, и рациональная часть меня твердила, что это плохая идея – отправиться на болото на ночь глядя. Но та часть, из-за которой меня в Академии и на тренировках прозвали «Бешеной», не видела никакой преграды в сгущающихся сумерках.

Болота?.. Ну, а что болота?

Поговаривали, в Черной Топи исчезали люди. Мне было лет десять, когда из соседнего дома ушла и больше не вернулась тетя Нюра. Переполох тогда поднялся знатный, искали всей Боровкой, и даже милиция приезжала из райцентра. Потом выяснилось, что соседка сбежала к любовнику в соседнюю область, бросив корову, с десяток кур и непутевого мужа, который частенько ее поколачивал.

Затем были и другие исчезновения, но люди либо быстро находились, либо у каждого был отличный повод, чтобы уехать из Боровки навсегда и начать новую жизнь в другом месте.

А еще, помню, в детстве мы пугали друг друга рассказами о леших и водяных, будто бы водившихся в этих лесах. И пусть нам с соседской детворой – деревенскими мальчишками, с которыми я лазила по крышам сараев и поджигали тополиный пух, – строго-настрого запрещали туда ходить, но мы все равно сбегали и упрямо шли на болота, старательно пугая друг друга рассказами о выглядывающей из-за деревьев нечисти.

Но ведь не было никаких леших и водяных! Если кого и стоило опасаться, так это людей и еще волков, встречавшихся в наших лесах. Именно поэтому я прихватила с собой дедову двустволку, сунув ее и запасные патроны в коляску старенького «ИЖа-Планеты». Он все еще был на ходу, и, пожалев свой новенький мотоцикл, отправиться на болото я решила именно на нем.

Довольно скоро поехала, оглушая округу ревом из дряхлого глушителя, в сторону областного центра – туда же, куда ушел дед Захар. Но местного старожила так и не догнала, свернула в лес перед указателем «Черная Топь». Долго тряслась по узкой, разбитой колее, старательно объезжая лужи и выступающие на дорогу корни, похожие на сказочные лианы.

Я знала, куда мне ехать. Как-то в детстве проследила за отцом, когда тот в очередной раз ушел на свои болота. Мы с мальчишками играли в индейцев, и я была Следопытом. Но он все-таки меня заметил, и дома мне порядком влетело. Потом отец взял с меня обещание, что я больше никогда так не стану делать.

И я не делала. Ровно до этого дня.

Поворот, еще один. Дорога становилась хуже и хуже, но я упрямо жала на газ. Чуть было не застряла в слишком уж глубокой луже, но все-таки выехала – порядком заляпанная грязью, поражаясь выносливости старенькой техники. Поморщившись, вытерла попавшие в лицо брызги длинным рукавом свитера, пожалев, что не надела шлем.

Разбитая колея тем временем уверенно превращалась в тропинку, а потом и вовсе пропала. Начались места, где, уверена, давно уже не ступала нога человека. Быть может, если только моего отца…

Но я упрямо продвигалась вперед. Пару раз увязала в грязи – пришлось даже выталкивать мотоцикл, но все-таки, порядком поплутав, добралась до того самого места – трех поломанных берез, стоявших, подозреваю, в самом сердце Черной Топи.

И тут же взвыл инстинкт самосохранения, потребовав немедленно отсюда убираться. Вернуться в наш дом в Боровке, сунуть шкатулку в сейф, запереть его хорошенько, после чего уехать в Н-ск и забыть об этом месте навсегда.

Потому что я ее увидела – полупрозрачную, светящуюся в вечернем сумраке дымку, зависшую аккурат между теми березами, напоминавшую мне гигантскую паутину неведомого паука. И я нерешительно притормозила, размышляя, что бы это могло быть и что мне делать дальше.

Что же ты такое, а?..

Быть может, плод моего воображения? Или же причудливая игра света, льющегося с зависшей над Черной Топью луной?

Полупрозрачная светящаяся стена посреди болота выглядела настолько неестественно, что мне жутко хотелось повернуть назад. Но вместо этого я выжала сцепление, переключила передачу и крутанула ручку газа.

Быстрее, быстрее, пока не передумала!

Подпрыгивая на кочках, разбрызгивая вокруг себя холодную, липкую грязь, старенький «ИЖ» летел, подозреваю, к тому самому разлому. И с каждым

заполошным биением сердца мне становилось все больше и больше не по себе. Настолько, что в последнюю секунду перед тем, как зеленый нос мотоцикла коснулся непонятного явления природы, я чуть было не дернула руль в сторону.

Но удержалась. Вспомнила об обещании, данном отцу, о его могиле, засыпанной цветами, через которые просвечивалась черная земля, и решила, что поступаю правильно.

Потому что его слова все-таки не были бредом – разлом существовал.

Неужели через него я попаду в другой мир, неведомый мне Улайд? Выполню данное ему обещание, а затем вернусь, ведь папа всегда возвращался…

Додумать я не успела, потому что мой мир исчез. Пропал вместе с болотом и зависшим над ним желтым блином луны, вырывающим из объятий ночи темные кроны берез на дальней опушке. На миг появилось ощущение полета, а затем меня поглотила чернота.

…Как оказалось, ненадолго, потому что в следующую секунду мир возник снова. Явился из ниоткуда, но уже был другим. Вместо болота и темной кромки дальнего леса меня окружал давящий полумрак подземелья. Вместо влажной и холодной тишины Черных Топей – глухой рев мотоцикла, многократно усиленный в высоких сводах тускло освещенной пещеры.

И я резко затормозила, заморгала, пытаясь понять, где очутилась. Но так сразу и не разобрала – лишь поняла, что пещере я была не одна. Возле дальней стены замерли странные существа. Кажется, стояли возле алтаря – это был здоровенный плоский камень, темная поверхность которого была исчерчена подсвеченными изнутри красными символами, похожими на письмена в бумагах отца.

На алтаре лежала безжизненная девушка в светлом балахоне, покрытом уродливыми темными пятнами.

А те, кто стоял рядом с ней… Уверена, это все-таки были люди, одетые в черные балахоны до пят и темные колпаки с прорезями для глаз и рта! Их было трое. Двое держали факелы, а над их головами покачивались в воздухе без какой-либо опоры странные светильники.

Зато у третьего в руке оказался длинный, изогнутый нож.

Это… Это настолько не вписывалось в картину моего мира, в котором еще несколько секунд назад были болото и луна над спящим мартовским лесом, что я порядком опешила. Но быстро пришла в себя. Крикнула, чтобы они немедленно прекращали, прекрасно понимая, что меня не услышат: мой срывающийся голос заглушал рев старого глушителя.

Черные колпаки тоже, подозреваю, гостей на мотоцикле не ждали. Стояли и смотрели, как я разворачиваю старенький «ИЖ», решив разобраться на месте, что это за секта такая и что они здесь творят.

Но до алтаря я так и не добралась, потому что «балахоны» все же вышли из комы и начали действовать. Один из них вскинул руку, и в ту же секунду мотоцикл врезался в невидимую стену. Я приложилась грудью о руль, а «Иж» заглох, хотя препятствия перед собой я так и не увидела.

Выругавшись, вновь выжала сцепление, крутанула ручку газа, но завести мотоцикл так и не смогла.

«Черные балахоны» тем временем приближались, но я тоже решила не оставаться в стороне. Оставив безжизненный «ИЖ», подхватила заряженную двустволку и двинулась к ним навстречу. Крикнула, чтобы не подходили… Вернее, отошли назад, а то буду стрелять. Но они либо меня не понимали, либо им было все равно.

Нет, оказалось, не все равно – с руки одного из них сорвалась яркая молния. Вот так, появилась за секунду и уже летела в мою сторону!

Я резко отшатнулась, и та просвистела мимо, обдав меня жаром. Это… Это было крайне неожиданно, потому что оружия в руках «балахонов» не было.

Никакого, в отличие от меня.

Я вскинула ружье, но их это не напугало. Под руками второго уже разгоралось фиолетовое пламя, которое он явно вознамерился запустить в мою сторону. Мне показалось это недобрым знаком, которые я с детства не любила… Поэтому без

зазрения совести нажала на курок. Целила в ногу ближайшего «балахона» и не промахнулась.

Тот вскрикнул от боли и упал. Остальные призадумались.

– В сторону! – приказала им, подбираясь к алтарю. Лежащая на нем девушка была еще жива. Вся в крови, но дышала, шевелилась, стонала. – Ну-ка, прочь от нее! Вот же… твари!

Вновь пошла на них, вскинув ружье, жалея, что запасные патроны остались в коляске.

Но тут один из «балахонов» исчез, а на его месте возник гигантский черный ящер. Икнув от удивления – это что еще такое?! – я вытаращила глаза. И тут же выстрелила в раззявленную пасть монстра, из которой в мою сторону полилось жаркое пламя.

С трудом, но все-таки увернулась, и драконий огонь опалил неровную стену пещеры за моей спиной. Динозавру это не слишком понравилось. Рыкнув недовольно, он захлопнул пасть и затряс головой.

А я… Надо было вернуться к мотоциклу и перезарядить ружье, но на это мне попросту не оставили времени. К тому же очень скоро все закончилось – быстро и бесславно. Дракон снова пошел в атаку. На этот раз поджаривать меня не стал – за долю секунды оказался слишком уж близко от меня. Уставился мне в глаза безразличным взглядом, и я заметила, как сузились его гигантские вертикальные зрачки.

Взметнулась когтистая лапа, отбросив меня к стене. Я врезалась в нее затылком, в который раз пожалев, что не надела шлем, и мир померк.

Глава 3

В месте, где я очнулась, не водилось ни электричества, ни водопровода, ни каких-либо других благ человечества, даже минимальных. Там вообще ничего не

было – лишь темнота тюремного колодца в три шага шириной и решетка под потолком – метров так в пяти-шести над головой, – из которой виднелся край звездного неба.

А еще – плотно запертая дверь, единственная наша связь с цивилизацией.

Но обо всем я узнала позже, уже после того, как открыла глаза и застонала от резкой боли в затылке. Затем, когда голова немного прояснилась, обвела взглядом место, куда попала после столкновения с когтистой лапой дракона.

Оказалось, я лежала на грязной соломе в темном колодце, насквозь пропитанном отвратительной вонью застарелых человеческих испражнений. В темнице я была не одна – надо мной склонилась встревоженная незнакомка. Совсем молоденькая и темноволосая; лунный свет вырывал из тюремного полумрака ее тонкие и благородные черты лица.

Заметив, что я очнулась, девушка едва заметно кивнула, после чего осторожно приложила руку к моей голове, принявшись осторожно ощупывать рану на затылке. И я заметила на ее бледном запястье черный уродливый браслет.

Уверена, не для красоты она его надела! Ни его, ни светло-серую тюремную робу.

– Сильно досталось? – участливо спросила незнакомка на… том самом языке, который придумал для меня папа и в детстве заставлял учить его так долго, пока я не заговорила на нем, как на родном.

– Кто ты? – пробормотала я хрипло, вылавливая из сбоящей памяти нужные слова. Выходило, это было вовсе не игра и не папин каприз, а… Неужели язык того самого Улайда? – Где мы?

Попыталась подняться, и девушка с готовностью протянула мне руку. С ее помощью я села, прислонившись спиной к стене, и тут же поморщилась от нового приступа головной боли. Затем осторожно потрогала внушительный синяк на затылке. Впрочем, он довольно быстро перестал меня волновать, когда я поняла, что на мне нет ни черной шапочки, ни кожаной куртки, ни штанов. Обуви тоже не оставили – сняли все, даже нижнее белье.

И цепочку с крестиком, подарок бабушки, тоже забрали!

Зато «от щедрот» тюремщиков мне перепала та же самая холщовая роба до пят, что и на моей соседке по тюремной камере. Такая же, как была на девушке, распластанной на алтаре!

– У Темных, – отозвалась незнакомка, пожав плечами. – Где же еще? Хорошо, ты жива! Когда тебя швырнули в камеру, мне показалось… – Не договорила, отвернулась. – Хотя я уже сомневаюсь, к добру ли это, – добавила негромко. – Наверное, лучше было бы сразу умереть, чем вот так сидеть и дожидаться своей участи.

На это я осторожно поинтересовалась, что именно нас ждет. Хотя уже догадывалась… И не ошиблась – тот самый алтарь и нож, потому что нас собирались принести в жертву Темным Богам.

– Эйрил Далл, – представилась девушка, – дочь лорда Северного Предела. Ехала в Ализею, но, как видишь, – усмехнулась, – немного не доехала.

Я прекрасно понимала все, что она говорит, разве что кроме слова «Ализея», но спрашивать не стала, потому что Эйрил продолжила свой рассказ. Оказалось, до меня в темнице была еще одна девушка, но ее забрали.

– Мейделин, моя горничная. За ней пришли первой. Увели, и я ее больше уже никогда не увижу, – Эйрил всхлипнула. – Затем настанет и наш с тобой черед! Не знаю, как быстро они придут, но не думаю, что станут затягивать.

– Ника, – отозвалась я на это. – Меня Ника зовут!

Наверное, надо было еще что-то добавить, рассказать о себе. Соврать, в конце концов, но я не вымолвила ни слова. Потому что не знала, что именно ей сказать. Заявить, что я проездом на мотоцикле из Боровки через Черную Топь и немного застряла в темнице?

Но зачем?!

Имеет ли какое-то значение то, что я из другого мира, если очень скоро за нами придут?

– Головой я ударилась, – вместо этого пояснила ей. – Почти ничего не помню, кроме того, что на меня напали трое в черных балахонах и с колпаками на головах. И еще там был… дракон.

Произнесла это наугад и не ошиблась. Упоминание о драконе заставило Эйрил сочувственно вздохнуть, а затем поднести к моему носу руку с браслетом.

– Лишили меня магии, – пожаловалась девушка, – и связи с моей драконицей. Теперь я совершенно беззащитна.

Я тоже покивала, размышляя о том, что меня, выходило, ни магии, ни связи лишать никто не собирался: браслетов на своих руках я не обнаружила. Наверное, потому что… гм… у меня не было ни этой самой магии, ни связи. Да и откуда им взяться у бывшей гимнастки и студентки Спортивной Академии города Н-ска?

– Зачем? – вновь спросила я у Эйрил. – Что им от нас нужно?

– Кровь, – отозвалась она, дернув плечами. – Наша с тобой кровь. Принесут в жертву Темным Богам, вот и все дела! Нам попросту не повезло оказаться в ненужном месте в ненужное время, и теперь мы сидим где-то в темнице посреди Сундарских Скал. Как ты им попалась?

– Путешествовала с отцом, – соврала ей, решив, что рассказ о мотоцикле и портале в другой мир будет совершенно неуместен в этих стенах. – Потом он умер, а дальше… Дальше уже неважно!

Похоже, Эйрил пришла к такому же выводу, потому что расспрашивать меня ни о чем не стала. Какое-то время мы молчали – она размышляла о своем, я же пыталась свыкнуться с жуткой головной болью. Это тянуло на приличное сотрясение мозга, но отлежаться мне вряд ли дадут – только если на алтаре по соседству с жертвенным ножом.

Наконец, голос Эйрил разрушил повисшую тишину.

– Я ехала на Королевский Отбор, – произнесла девушка мечтательно. – Получила приглашение от Стефана… От принца Улайда Стефана Бранта, – поправила себя. – Он выбирает себе жену, и в Ализею съезжаются претендентки со всего света.

На это я вытаращила глаза. Нет, вовсе не из-за Королевского Отбора для принца Стефана – это личное дело каждого, каким образом искать себе будущую жену!.. Отец снова оказался прав – чертов разлом в Черной Топи привел меня именно в Улайд. И, раз Эйрил ехала к принцу, то, значит, существует и королева…

Та самая королева Керрая!

Мне же оставалось лишь придумать, как вырваться из рук фанатиков и выполнить свое обещание. А потом я обязательно найду ту самую пещеру с алтарем и вернусь домой. По возможности, целой и невредимой.

– Затем на нас напали, – продолжила Эйрил тусклым голосом, – и их было много. Мы сопротивлялись, но Темные не оставили нам шанса. Перебили мою охрану. Я попыталась улететь, но не успела. Они приложили меня заклинанием Разделения, да так, что я грохнулась об землю метров так с трех высоты. – Девушка потерла ушибленные ребра. – А дальше я уже ничего не помню… Очнулась уже здесь. Со мной была Майделин, но потом ее забрали. Вскоре после этого снова открылась дверь. Я уже решила, что пришли за мной, но они бросили в камеру тебя.

– Но зачем им наша кровь? Должна же быть хоть какая-то причина для подобной… резни!

– Так это же фанатики! – пожала плечами Эйрил. – Разве таким нужна какая-то там причина? Хотя, – она понизила голос, – по Улайду ходят слухи, что с помощью жертвенной магии они управляют разломами и могут попадать в другие миры. Но это строго-настрого запрещено…

– Что именно? – растерялась я. – Попадать в другие миры?

– Нет же! – Эйрил покачала головой. – Какие еще другие миры, ты о чем? По указу короля Риона любому, кто распространяет лживые слухи о якобы существующих в Улайде разломах, грозит тюремное заключение, – заявила

мне. – Такое, что можно уже никогда и не выйти.

– Значит, тюрьма, – пробормотала я. – Так себе удовольствие!

– Мы все равно уже в тюрьме, – пожала Эйрил плечами, – из которой никогда не выберемся. Хуже уже не будет… А я ведь даже знаю имя предателя, по чьей вине угодила в руки Темных! Уверена, она давно с ними общается, вот и натравила на меня Темную свору.

– Она?!

Впрочем, я понимала, что пусть даже Эйрил и произнесет имя, мне это все равно ничего не скажет. Если только не услышу знакомое – «королева Керрая».

– Астра Брант, – с ненавистью заявила девушка. – Полоумная родственница короля Риона. Седьмая вода на киселе, которую все же помиловали после казни отца, потому что не нашли доказательств ее вины. Ты ведь знаешь, что Афрузу Бранту отрубили голову за измену? Конечно же, в Улайде все об этом знают! А вот его дочери оставили жизнь… – Она уставилась на меня. – И очень даже зря, надо было сразу ее казнить!

– За что? Я ничего не помню, – с этими словами я демонстративно потерла шишку на затылке.

– Когда-то ее отцу принадлежал Северный Предел, но он слишком уж заигрался с демонами. Решил, что поможет им захватить Улайд, и за это они отдадут ему часть нашей страны. Но заговор раскрыли, Афруза Бранта казнили, а все его имущество конфисковали в пользу короны. Его дочь признали невиновной, разрешив ей остаться в бывшем замке ее отца, который мой папа получил вместе с новой должностью. – Тут Эйрил вздохнула. – Думаю, она всегда нас ненавидела. За то, что нам так хорошо жилось, и еще за то, что мы проявляли к ней сочувствие. Ненавидела все эти годы, копила злобу, пока… – Еще один вздох. – Хорошо, что пострадала только я, и это не коснулось ни моих родителей, ни младших братьев!

Мы снова замолчали, размышляя каждая о своем.

– И что же нам теперь делать? – наконец, спросила у нее.

Потому что в голову лезли сумасшедшие мысли, но я подумала… Быть может, у Эйрил есть план получше?

– Ничего, – отозвалась она. – Что мы сможем сделать без оружия, магии или второй ипостаси? Остается только ждать и молиться Пращуру-Дракону, чтобы наша смерть была легкой и нам хватило бы сил встретить ее с высоко поднятой головой. И еще надеяться, что за нас отомстят, а наши враги обретут вечные мучения в аду, в который они обязательно попадут за свои грехи!

– Не слишком увлекательные перспективы, – поморщилась я, на что Эйрил снова пожала плечами.

Ее план, признаюсь, меня не слишком-то вдохновил. Молиться получалось так себе, хотя бабушка в последние годы частенько просила сопровождать ее в церковь. Наверное, втайне надеялась, что и я проникнусь.

Но я как-то… не прониклась. Лишь однажды почти уверовала в ангелов-спасителей с медицинскими сумками на плечах, но жестоко разочаровалась. Они оказались всего лишь людьми, которые приехали слишком поздно и уже ничем не смогли помочь.

Поэтому я решила выбираться самой. Подошла к стене, уставившись на неровную кладку. Она была старой, соединяющий камни раствор во многих местах отсырел и осыпался, поэтому я быстро нашла годный выступ. Вытянула руку и нащупала следующий. Поставила босую ногу в трещину побольше, подтянулась. Мышцы, за долгие годы тренировок привыкшие к запредельным нагрузкам, с легкостью подкинули меня вверх.

Еще один выступ, затем следующий.

– Ника, – раздался встревоженный голос Эйрил, – ты что?.. Ты куда? Что ты делаешь?!

– Хочу посмотреть, – ответила ей, не поворачивая головы, – есть ли жизнь за той решеткой. Вернее, смогу ли я через нее пролезть. Но отсюда мне кажется, что

протиснусь. И вот тогда… – Дальше уже будет видно, потому что сидеть и ждать, пока меня придут убивать, я не собиралась. – Надеюсь, мы сможем отсюда выбраться!

Но сначала мне надо было вскарабкаться на самый верх по стене тюремного колодца.

Правда, в активе у меня имелось сложное спортивное прошлое и не менее сложное настоящее. В пять лет бабушка привела меня в художественную гимнастику. Затем я перешла в спортивную, которую бросила в четырнадцать.

Ушла, решив, что уже все себе доказала.

Но до этого возраста успела завоевать порядком – полки в моей комнате были заставлены кубками, а по стенам развешаны дипломы и медали. Да и после этого я продолжала упорно тренироваться, правда, теперь уже для души.

Но поможет ли мне это в мифическом Улайде, где есть магия, драконы, а еще фанатики, приносящие кровавые жертвы, и где королева Керрая оказалась в чем-то там не права? По мне, куда больше не правы были те самые фанатики, режущие на своих алтарях пойманных на дороге путниц…

Еще один выступ, затем новый. Тут камень, за который я ухватилась, выскользнул из кладки и полетел вниз, где с глухим стуком разбился об пол. Сжав зубы, я повисла на одной руке. Эйрил испуганно вскрикнула – по мне, слишком уж громко! – потому что падать я вовсе не собиралась. Пусть сердце ушло в пятки, но я уже упрямо вжалась в стену, затем нащупала очередной выступ и рывком преодолела следующие полметра.

Оказалось, очень даже зря: падать выше!

Потому что возле решетки, до которой я все-таки добралась, вцепившись в прутья, остановились черные мужские сапоги. Их хозяин нагнулся, и я увидела его лицо – молодое, бородатое и недовольное, рядом с которым трепетал магический светлячок. Похоже, один из тюремщиков, привлеченный возгласом Эйрил, пришел проверить пленниц и обнаружил одну из них под самым носом.

Это ему совершенно не понравилось. Настолько, что в меня тут же полетел синий разряд, от которого было уже не увернуться. Да и как, если я висела, держась за прутья решетки?! Молния угодила мне в грудь, вышибла дух, лишив способности шевелиться. Враз онемевшие пальцы разжались, и я, испуганно вскрикнув, полетела вниз, понимая, что ничего не могу с этим поделать.

Меня уже никто не спасет. Быть может, если только Эйрил попытается…

Упала я прямиком на нее – похоже, девушка старалась меня поймать. Но она была моей комплекции – среднего роста и худенькая, – поэтому не устояла. И мы с ней рухнули на каменный пол, лишь условно покрытый соломой, и я пребольно приложилась головой – причем тем же самым местом!

Подумала: как там Эйрил? Надеюсь, я ее не слишком придавила… Но резкая боль уже отступала, сменяясь спасительной тьмой бессознательного.

…Только вот, оказалось, оно наполнено странными видениями. Перед моими глазами возник прекрасный город – белоснежный, белокаменный – яркий бриллиант на груди у лазоревого моря. Раскинулся, разбежался во все стороны, уютно устроившись на скалистом берегу, нежась в лучах жаркого солнца, продуваемый прохладными морскими ветрами.

Но этот город не принадлежал к перенаселенной Земле с ее многоэтажками спальных районов. Потому что вместо тысячи неспящих окон в нем были монументальные строения, прямые линии и идеальные формы; белый, розовый и серый мрамор. На пологих крышах домов разбиты пышные цветники, а некоторые здания венчали золотые купола.

Еще я увидела высоченные храмы со статуями крылатых Богов с распахнутыми крыльями, сверкающими золотом в лучах жаркого солнца.

Но не это оказалось самым важным в моем видении. Главной в нем была женщина, стоявшая на берегу моря – очень красивая, молодая. Смуглая, светловолосая и синеглазая. Такая же, как я, совершенно не похожая на моего темноволосого отца.

Морской ветер играл с белоснежным подолом ее тонкого платья, скрепленного на плече золотой заколкой в виде дракона. Женщина выглядела встревоженной.

Полные вишневые губы приоткрылись – она явно собиралась что-то сказать.

Но не успела. Видение исчезло, потому что я пришла в себя.

Пробуждение на этот раз было так себе, куда хуже первого. Меня безжалостно трясли, а затем встревоженная Эйрил еще и залепила пощечину.

– Ника, очнись! Ну же, приди в себя!

– Зачем? – хрипло поинтересовалась у нее. Но послушно открыла глаза, после чего села – сама! – и наплевать на раскалывающийся от жуткой боли затылок. – Чтобы я как можно лучше прочувствовала на себе роль жертвы? – тут я вспомнила о своем неудачном подъеме. – Кстати, как ты?.. Спасибо, что меня поймала!

– Ерунда! – жизнерадостно отозвалась Эйрил. – Парой синяков больше… Ника, мне кажется, что за нами пришли. Нас вот-вот спасут, я уверена!

– Как это, пришли?!

Тут девушка подняла палец, указав мне на решетку, с которой я так неудачно сорвалась.

– Там!

На это я послушно задрала голову и… очнулась окончательно. Потому что над железными прутьями промелькнула ярко-красная зарница, а затем вторая. Раздались крики и… черт меня побери, звон мечей!

– Говорю же, это за нами! – заявила Эйрил. – Скоро выжгут это змеиное гнездо, и мы с тобой вернемся домой!

– А кто именно нас спасает?

– Тебе-то какая разница?! – воскликнула девушка. – Главное, чтобы они победили!

Но, оказалось, разница есть и довольно большая. Когда наконец-таки дверь в нашу темницу распахнулась, Эйрил резво подскочила и со всех ног кинулась к появившемуся в проеме мужчине, окруженному сполохами неестественного – подозреваю, магического – происхождения.

– Стефан, это ты?! – воскликнула она, после чего повисла у спасителя на шее.

Мужчина от столь бурного приема отказываться не стал. Обнял девушку, прижав к себе ее тонкую хрупкую фигурку. Затем отпустил, шагнул в темницу и с любопытством уставился на меня.

Я уже поднялась и смотрела на него во все глаза.

Он был молод и хорош собой – высокий, темноволосый, широкоплечий, с приятными чертами лица. Глаза его казались черными, а улыбка приятной. И еще, от него исходила уверенная сила человека, на которого всегда можно положиться.

И я подумала – уж не тот ли это Стефан, наследный принц Улайда, на Отбор невест к которому так спешила влюбленная в него Эйрил Далл?..

А потом, даже раньше, чем Стефан заговорил, поймала себя на мысли, что он тоже мне нравится. Вот так – впервые в жизни заинтересовал мужчина, которого встретила в тюремной камере в неведомом мне Улайде, хотя до этого нашла у себя заводской брак и давно уже списала в утиль.

Впрочем, вскоре мне стало совсем не до своего интереса… Сперва надо было придумать, как ответить на вопрос принца, поинтересовавшегося, как меня зовут и каким образом я сюда попала.

И ответить правильно.

Соврать или же во всем признаться?

Глава 4

На мне было жуткое платье – ядовито-розовое, расшитое красными тюльпанами, со сдавливающим ребра узким лифом и пышной юбкой, волочащейся по полу – потому что прежняя его хозяйка Эйрил оказалась на полголовы выше меня. К тому же по глубокому вырезу спереди были нашиты наивные белоснежные рюши, придававшие – единственный плюс! – обманчивую иллюзию полноты моему… кхм… спортивному размеру груди.

Подарок зашнуровывала Эйрил – правда, сначала она выловила из своего внушительных размеров сундука тонкую белоснежную сорочку, а после откопала и это самое платье.

Оказалось, в Обители Темных обнаружили хранилище, доверху забитое вещами жертв. Нашлись и сундуки, с которыми юная леди Далл направлялась на Королевский Отбор и которые ей тут же поспешили вернуть. И она, одетая в скромное коричневое платьишко с застежками по вороту, решила проявить сострадание и пожертвовать один из своих нарядов нуждающимся.

То есть мне, потому что моих несуществующих сундуков королевские маги во главе с наследным принцем так и не нашли…

И я приняла ее подарок с благодарностью, лишь немного страдая от его расцветки. Осторожно попыталась выменять на что-то менее вычурное и более темное, но Эйрил уверенно заявила, что все это глупости и я – настоящая красавица, а этот цвет мне очень к лицу. Вот и пришлось шеголять в розовом с рюшами.

Но я была готова на все – даже на это длиннющее платье, лишь бы сбросить с себя проклятую тюремную робу!

Кстати, наше счастливое спасение полностью преобразило не только меня, но и мою соседку по камере. Эйрил постоянно улыбалась и смеялась, больше не вспоминая о жуткой смерти своей гувернантки и сопровождающей охраны, а затем по секрету призналась, что давно уже – с раннего детства! – влюблена в принца Стефана, и какое же чудо, что именно он со своим отрядом оказался в высоко в Сундарских Скалах и вышел на след фанатиков!

Эйрил была уверена, что это Пращур-Дракон расщедрился, после ужасов заточения в тюремной яме преподнеся ей встречу с наследным принцем. Тут она спохватилась, заявив, что ей очень и очень жаль… Ведь мои вещи так и не нашлись, а моя память до конца не восстановилась! Но королевские маги обязательно мне помогут. Она бы сама попробовала покопаться в моей голове, чтобы вернуть все на свои места, к тому же браслет, блокирующий магию, с нее давно сняли. Но Эйрил всего лишь на третьем курсе Академии и еще не до конца уверена в своих силах, да и Целительство не ее профиль.

Зато она с радостью поделилась со мной не только одеждой, но еще и выдала обувь – золотистые сандалии с загнутыми носами, которые оказались мне как раз впору. И я не стала крутить носом, решив, что кожаные штаны и потертая куртка вызовут в этом мире слишком много вопросов. Затем Эйрил заплела мне косы, подколов их кверху по моде Улайда и закрепив заколками, магией и негромкими ругательствами.

Вскоре я была готова предстать перед принцем, дожидавшимся меня в одной из комнат убежища Темных. Оказалось, у Стефана Бранта возникли ко мне некоторые вопросы. И я, обреченно кивнув, последовала за хмурым магом со знаком королевского дома на плече – изрыгающим огонь драконом.

Шла за ним и думала, что этого, в принципе, и стоило ожидать… Того, что у принца ко мне возникнут вопросы.

Плелась по узким, полутемным коридорам подземной Обители – над нашей головой болтался хилый магический светлячок, – размышляя, как бы половчее соврать. Неожиданно мы наткнулись на двух королевских магов, разглядывающих сложенных возле стены мертвых адептов веры в Темных Богов.

Трупов оказалось больше дюжины, и колпаки с их голов были сорваны.

Мой провожатый тут же буркнул, чтобы юная леди не смотрела. Но было слишком поздно, и я уже посмотрела. В ближайшем ко мне узнала того, кто запустил в меня молнией, отправив в «полет» с тюремной решетки. На его бледном лице застыла страдальческая гримаса, и меня это ужаснуло до глубины души.

Но маг уже шел дальше, и я поспешила за ним. Вскоре он распахнул передо мной дверь в просторную комнату без окон, освещенную зависшими под потолком светлячками, и предстала перед черными очами наследного принца Улайда.

За его спиной темными изваяниями застыли два королевских мага. Сам же Стефан Брант вольготно расположился за большим столом, заваленным свитками и непонятными мне предметами религиозного культа Темных. Были здесь и чаши – бронзовые и золотые, – и четки со здоровенными черными бусинами, и статуэтки уродливых божков, и изогнутые жертвенные ножи…

И не только это.

Мой взгляд остановился на знакомом мне предмете – перед принцем лежал черный рюкзачок с надписью «O’Neil» на боку – и сердце екнуло. Потому что рядом стояла еще и знакомая шкатулка с парящим в небе драконом.

Наверное, черным… Или же красным? Или все-таки золотым?

Стефан молча указал мне на скамью рядом со столом, и я осторожно опустилась на твердую поверхность. Сложила руки на подоле розового платья, подумав, что впереди меня ждет еще один экзамен на выживание. Пожалуй, не менее сложный, чем встреча с фанатиками веры в Темных Богов.

Но возвращаться в тюремную камеру мне очень не хотелось, поэтому я давно решила вести себя с принцем крайне осторожно. Избегать в разговоре каких-либо упоминаний о разломах и других мирах. Задурить ему голову, выдав себя за бедную улайдскую сиротку.

Оставалось лишь придумать, как это сделать, если я пришла из другого мира и как раз из того самого разлома.

– Напомните, как вас зовут? – мягко поинтересовался Стефан Брант.

Эйрил много болтала, разбирая свои вещи, поэтому я уже знала, что принц принадлежал к правящей более тысячи лет в Улайде династии Брантов. И та самая королева Керрая, которой мне надо было передать, что она не права, – его

мать.

– Вижу, вы мне не доверяете, – добавил он, – но вам не стоит ничего бояться! – и он улыбнулся мне так, что в груди поселилось обманчивое тепло.

Впрочем, я его быстро разогнала. С чего бы это принцу Стефану мне улыбаться? Только если он решил усыпить мою бдительность.

– Ника, – отозвалась осторожно. – Это сокращенное от «Вероники». А больше я ничего не помню!

– Так уж и ничего? – с хитрым видом поинтересовался Стефан. – Маг, осмотревший вас с Эйрил Далл, не обнаружил серьезных травм, которые могли бы привести к полной или же частичной потере памяти.

– Людская психика – дело сложное, – выдержав паузу, заявила ему вполне спокойно. – Бывает, кажется, что с человеком все в полном порядке, а на деле оказывается, что все далеко… гм… не в порядке!

Утверждение было довольно расплывчатым, и принц ненадолго задумался. Я тоже судорожно размышляла, чего мне стоит ожидать от выставленных напоказ рюкзака и папиной шкатулки.

Выходило, принц и его люди в чем-то меня подозревают… Возможно, прочли тот самый свиток с драконьей печатью, а я и понятия не имела, о чем в нем шла речь! А еще, вполне вероятно, они обнаружили мой мобильный телефон, который вызвал у них очень много вопросов.

И теперь мне придется хорошенько постараться, чтобы придумать всему этому правдоподобное объяснение. Как же жаль, что на амнезию всего не списать!

Один из магов осмотрел нас с Эйрил после того, как мы выбрались из тюремной ямы. Быстро залечил трещины в ребрах моей бывшей соседки по камере, а затем занялся и моим многострадальным затылком. Целебный эффект превзошел все мои ожидания – раскалывающая головная боль почти моментально прошла, мне добавили сил, и я вновь ощущала себя человеком.

Оставалось лишь правильно ответить на вопросы и не потерять голову в присутствии принца – в прямом и переносном смысле. Потому что мне очень хотелось ему довериться и все-все рассказать – и про отца, и про разлом, и про оставленный возле алтаря мотоцикл, на котором я попала в Улайд из другого мира, – особенно когда Стефан Брант перестал сверлить меня взглядом и вновь заявил, что мне не стоит ничего бояться.

Но я не стала… Решила, что не буду ничего говорить, пока во всем не разберусь. Не пойму, что можно, а о чем стоит молчать в Улайде.

– Это ведь ваши вещи? – принц подвинул ко мне резную шкатулку.

Кивнула.

– Отец передал мне перед самой смертью.

– Сочувствую вашему горю! – с готовностью отозвался Стефан. – Но вы должны знать, что нам пришлось заглянуть внутрь. Мои маги изучают найденное в Обители Темных, чтобы выйти на след жертв и сообщить, по возможности, об их судьбах семьям. Они обнаружили в этой шкатулке крайне интересный документ.

Он поднял крышку, после чего развернул тот самый свиток, который всего лишь несколько часов назад – мне уже начинало казаться, что прошла целая вечность! – я рассматривала на кухне нашего дома в Боровке.

– Это тоже мое, – заявила ему глухо. – Вернее, это все, что осталось от моего отца. Вы должны… Вы должны мне отдать этот документ и шкатулку!

А остальное пусть забирает, мне не жалко!

– Отдам, – согласился принц. – Обязательно отдам, но только после того, как вы приложите палец вот сюда, – и он ткнул в самый низ свитка, где рядом с печатью серело непонятное пятно. Я заметила его еще в Боровке, но решила, что кто-то попросту поставил кляксу, а потом старательно пытался ее затереть.

– Зачем?!

– Чтобы убедиться в подлинности завещания и еще в том, что передо мной сидит дочь Ариана Гарда.

На это я пожала плечами, потому что была его дочерью, только вот папина фамилия в Улайде звучала немного по-другому. Затем послушно приложила палец к нужному месту, не понимая, чего мне следует ожидать.

И тут же из сургучовой печали вылетели, затем вспыхнули, наливаясь золотом, знакомые мне закорючки – те самые, которыми из года в год отец покрывал листы своих рабочих тетрадей. Теперь они зависли в воздухе, заставив принца улыбнуться еще раз, а мое сердце, непривычное к подобными вещам, застучать куда быстрее.

– Приветствую вас, леди Гард! – заявил мне Стефан. – Наконец-таки я удостоился столь приятной чести познакомиться с истинной наследницей Неприступных Вершин!

– Но…

– Я знал вашего отца, – продолжал принц, – и на одном из дворцовых приемов он упоминал о своей дочери.

– Правда? – пролепетала я.

Оказывается, папа был вхож в королевский дворец, ему принадлежали какие-то там Неприступные Вершины и его знал принц Стефан. А я… Выходило, я о нем вообще ничего не знала!

– В тот раз – это было где-то года четыре назад – ваш отец сказал мне, что у него есть дочь, но он растит ее вдали от опасностей Улайда. Старательно оберегает свое сокровище, – принц окинул меня любопытным взглядом, на что я лишь пожала плечами – то еще сокровище в розовом платье с чужого плеча! – от фанатиков веры и Красной Лихорадки.

– Зато себя он не уберег, – отозвалась глухо. – Ариан Гард умер несколько дней назад. Мы как раз возвращались с ним… из странствия.

– Несколько дней назад? – задумчиво произнес Стефан. – Я не видел его более трех лет, а в Улайде его уже больше года считают умершим.

– Нет, – я покачала головой, размышляя над тем, что если не в свой родной Улайд, то куда же, черт его побери, отец постоянно уходил через разлом в Черной Топи?! – Неделя… Ровно неделю назад он умер от Красной Лихорадки на моих руках. Сгорел за один день, и я его похоронила… в этих самых Сундарских Скалах. – Соврала и не моргнула. – Моя скорбь столь велика, что… – Тут на глаза набежали неподдельные слезы. – Я бы не хотела больше об этом говорить!

Стефан сочувственно кивнул.

– Ваш отец был достойнейшим из людей Улайда, и я скорблю о его смерти вместе с вами, леди Гард! Но мне все-таки придется сообщить вам еще одно довольно неприятное известие. Впереди вас ждет сложная тяжба за наследство с вашими родственниками.

– Родственниками? – переспросила я растерянно. – За наследство?

Выходило, в Улайде у меня есть не только наследство, но еще и родственники.

– От вашего отца не было вестей несколько лет, и Неприступные Вершины заняли Персены, ваши дальняя родня. Ушлый пройдоха, этот Гитте Персен! – поморщился принц. – С его подачи Ариана Гарда объявили пропавшим без вести, после чего чуть больше года назад посчитали умершим. Ваш троюродный дядя все-таки добился того, что его признали единственным наследником!

– И что теперь будет? – спросила у принца растерянно, не слишком представляя, как мне быть.

В своем родном мире я бы обязательно с этим справилась. Всеми силами боролась бы за наследство и против ушлых людей, обманом получивших то, что им не причитается. Но в Улайде, сидя в подземной Обители Темных в розовом платье с чужого плеча, я порядком растерялась.

– Что теперь будет? – усмехнулся принц. – Боюсь, Гитте Персена ждет большое разочарование! А вот прекрасной Вironике Гард не стоит ни о чем беспокоиться,

потому что я обо всем позабочусь, – и снова мне улыбнулся.

Его слова внушали надежду – вернее, мне очень захотелось ему поверить. Поэтому я принялась искренне благодарить принца за участие в своей жизни, а затем робко улыбнулась, заслужив одобрение Стефана.

– Ну, наконец-таки! – заявил он довольным голосом. – Я уже думал, что никогда не увижу улыбку прелестной леди Гард.

Все шло к тому, что скоро нам придется попрощаться, но тут…

– Кулон, – неожиданно вспомнила я. – В шкатулке еще был амулет моей матери!

После видения с золотым городом и встревоженной женщиной со светлыми волосами, меня не оставляло ощущение, что она тоже причастна… Например, к моему рождению. Быть может, именно она произвела меня на свет?

Если, конечно, мне все это попросту не почудилось.

– Амулет на месте, – Стефан подвинул ко мне открытую шкатулку, в углу которой я заметила ту самую золотую цепочку с маленькой капелькой. – Я не имел чести встречаться с леди Гард, – произнес он с любопытством, после чего уставился на меня выжидательно, – и не отказался бы послушать о той, которая покорила сердце лорда Гарда и родила ему столь красивую дочь.

Поблагодарила принца за комплемент, но моего рассказа Стефан Брант так и не дождался. Потому что мне нечего было ему рассказать.

– Я тоже не имела чести ее знать, – покачала головой. – Моя мама умерла при родах.

И больше ничего говорить не стала, сославшись на головную боль, скорбь по отцу и жуткую усталость. Собрался вполне приличный «букет», и я надеялась, что наследный принц проявит сочувствие к бедной мне и оставит, наконец, меня в покое со своими расспросами. Так оно и случилось, правда, мне все же пришлось немного понервничать, потому что один из королевских магов заинтересовался содержимым рюкзака.

Затем мне разрешили уйти, но перед этим я узнала, что мне выделили лошадь и провожатых, чтобы леди Вироника Гард без приключений добралась до замка своего отца. Напоследок принц Стефан заявил, что очень скоро мы увидимся снова, а еще, он обязательно пришлет того, кто поможет мне уладить вопрос с наследством.

И я его покинула, стремясь как можно скорее вырваться из давящих стен Обители, но по дороге столкнувшись с двумя фанатиками, которых вели на допрос. Один из них серьезно припадал на правую ногу и взглянул на меня с ненавистью.

А я подумала… Уж не в него ли я стреляла из дедовой двустволки, выехав из разлома на стареньком «Иже»? Одна пуля была в ногу фанатика, вторая – в пасть дракона, и я попала и в первом, и во втором случае.

Но если это тот, кого я подстрелила, и его ждет допрос, то… Интересно, как изменится отношение принца к наследнице Неприступных Вершин, если Темные расскажут, что я явилась в мир магии и драконов на рычащем механическом чудовище? Причем не одна, а с волшебной трубкой, изрыгающей пули.

Будет ли после этого Стефан столь любезен? Или прикажет тотчас же отобрать подаренную лошадь и снова бросить меня в тюремный колодец до выяснения всех обстоятельств?

– Они будут молчать, – уверенно заявила мне Эйрил, вышедшая со мной попрощаться.

Мы стояли с ней под звездным небом Улайда где-то в самом сердце Сундарских Скал – две незнакомки, сведенные вместе судьбой. Во все стороны разбегалась необжитая горная долина, в центре которой Темные выстроили свою уродливую подземную Обитель, не забыв вырыть несколько ям для пленников, предназначенных в жертву кровавым богам.

Но вниз я смотреть больше не хотела. Вместо этого с надеждой устремила свой взгляд в утреннее небо Улайда, в котором уже проявились предвестники занимающегося рассвета – золотисто-розовые лучи, провозглашавшие зарождение нового дня. Моя дорога тоже лежала на восток, как раз навстречу восходящему солнцу, и я надеялась, то это будет путь к моей свободе.

Только вот добираться до Неприступных Вершин мне предстояло на лошади. То еще мероприятие, учитывая, что до этого я ни разу не ездила верхом!

– И почему же они будут молчать? – спросила у Эйрил, украдкой покосившись на здоровенного гнедого жеребца, выданного мне принцем.

Этот… гм… монстр мирно пощипывал летнюю травку неподалеку, а я подумала… Жаль, что в автопарке Стефана Бранта не водилось тренировочного пони!

– Потому что они никогда и ни в чем не признаются, – пожала плечами Эйрил и взглянула на меня так, словно я опять задала наиглупейший по меркам Улайда вопрос. – Из-за Клятвы Молчания, которую они дают на своей крови, вступая в Темную Веру.

– Прости, снова все забыла! – покаялась я. – Ох уж эта голова… – и потерла давно уже заживший затылок.

– Стефан ищет алтарь, – сменив гнев на милость, сообщила мне Эйрил. Затем по секрету добавила, что принц вызвался ее сопровождать до самой Ализеи. Ей оставалось совсем немного подождать, пока он закончит допрашивать Темных, – хотя все знают, что это совершенно бесполезное занятие! – а затем он сотрет их Обитель с лица земли.

– Думаешь, найдут алтарь? – я постаралась, чтобы мой голос прозвучал как можно более безмятежно.

– Мне сложно судить, – пожала плечами Эйрил, – но он должен быть где-то поблизости, – и она обвела взглядом горную утреннюю долину – мирную и спокойную.

Я тоже посмотрела. Мне казалось, что потерянный жертвенный камень находится в темнеющей горной гряде, истыканной черными дырами пещер, стоявшей на пути у восходящего солнца.

Но рассказывать о своих догадках ни Эйрил, ни принцу я не стала.

Решила, что будет лучше, если пещеру с алтарем и моим мотоциклом не обнаружат. Потому что в моем рюкзачке лежала пластиковая бутылка, заинтересовавшая королевских магов. Один из них долго крутил его в руках, а затем взглянул на меня вопросительно. На это я лишь пожала плечами, словно в пластиковой бутылке в мире меча и магии не было ничего удивительного. Зато бутерброд с сыром интереса у них не вызвал, а до мобильного телефона, засунутого в смену нижнего белья, запасную футболку и спортивные штаны, они так и не добрались.

Наконец, обняв на прощание Эйрил и обреченно кивнув трем приближающимся магам, присланным сопровождать меня до Неприступных Вершин, я повернулась к своей лошади. Почувствовав неладное, жеребец перестал щипать траву. Затем презрительно фыркнул, раздув черные ноздри. Кажется, он сразу же расставил приоритеты, решив, кто в нашем доме хозяин.

И это была не я.

– Его зовут Громовержец, – раздался над ухом приятный мужской голос. – Он довольно мирный, если, конечно, почувствует твердую руку.

Ко мне подошел королевский маг – молодой, рыжеволосый, статный, с цепким взглядом. И я обреченно кивнула.

Значит, твердую руку?.. Гм, ну ладно, посмотрим!

***

Впереди меня ждали два увлекательных дня в седле до Неприступных Вершин – старинного замка, выстроенного несколько столетий назад моими предками в предгорьях Сундарских Скал. Тридцать лет назад замок по наследству перешел к моему отцу, лорду Ариану Гарду, еще в юные годы оставшемуся сиротой.

Потом папа почему-то выбрал жизнь на Земле, променяв на нее свой родной Улайд.

Теперь Неприступные Вершины достались мне – в шкатулке лежало завещание, подтверждающее мою личность и права на наследство, за которое еще придется

серьезно побороться.

***

С тремя королевскими магами в черных одеждах и огнедышащими драконами на плечах мы столкнулись уже на подъезде к темно-серой твердыне Неприступных Вершин. Обнесенный высоченной каменной стеной, с четырьмя остроконечными сторожевыми башнями, он грозно возвышался в собирающемся вот-вот разразиться грозой вечернем небе.

Родовой замок Гардов был выстроен на вершине горы Амрас, в которую мы тащились уже добрых полдня, и, по моим прикидкам, нам оставалось еще не менее двух часов пути. Но я не жаловалась, потому что по дороге успела разузнать много всего полезного – не только о славном роде своего отца, одном из древнейших в Улайде, верой и правдой служившем правящей династии Брантов, – но и освоить другие премудрости, без которых в этом мире мне не выжить.

Например, верховая езда. По крайней мере, из женского седла сегодня я больше не выпадала.

А еще – умение правильно заказывать себе ужин на постоялых дворах и не захмелеть от нескольких глотков яблочного сидра – того еще пойла, сбивающего с ног, когда ты этого нисколько не ждала!

К тому же попутчики у меня выдались понимающими. Два пожилых и хмурых мага – их звали Андор Бак и Кай Хаммер, – но при этом крайне заботливых и молчаливо закрывающих глаза на все мои «завихрения». Зато третий, рыжеволосый и жизнерадостный Аксель Вильм, был молод и разговорчив.

И все они оказались магами Шестой Ступени на службе у короля Риона.

Именно Аксель и поведал мне о несметных богатствах Гардов, испокон веков владеющих – помимо обширных земельных наделов – единственным золотым прииском в Сундарских Скалах. Это позволило моим предкам нажить огромное состояние, которое они разумно вкладывали в различные торговые предприятия, и теперь им принадлежала, по словам Акселя, чуть ли не добрая половина Севера.

И каждый раз, когда речь заходила о моем наследстве – а о нем Аксель мог говорить бесконечно, – молодой маг заметно оживлялся. Я его вполне понимала – надо же, какая удача, что у считавшегося погибшим лорда Ариана Гарда оказалась дочь, единственная наследница огромного состояния! Причем незамужняя, да еще красавица, каких поискать, – это уже по словам Акселя.

Быть может, мне стоит присмотреться к нему повнимательнее? Он ведь тоже молод, свободен и недурен собой. Глядишь, у нас что-то с ним и получится, потому что женихом Аксель Вильм был вполне завидным. Из хорошей семьи, закончил Магическую Академию Ализеи с отличием, после чего сам, без связей, устроился на королевскую службу.

Впереди его ждало блестящее будущее, а в качестве лорда Неприступных Вершин и того более блестящее…

Только вот любви, к большому сожалению целеустремленного Акселя, по дороге к Неприступным Вершинам у нас с ним не случилось. Хотя бы потому, что мне впервые в жизни понравился совсем другой мужчина… Тот самый, кто сопровождал в столицу прекрасную Эйрил Далл, дочь лорда Северного Предела.

А еще я испытывала чувство искренней благодарности. К принцу – за свое спасение, к Эйрил – за ее подарок, а к сопровождающим меня магам – за их заботу. За то, что к вечеру они подыскивали постоялые дворы, и мне не приходилось ночевать в лесу под чистым летним небом Улайда. За то, что они ни о чем не спрашивали, когда я попадала впросак. Например, заказала себе слишком много еды на ужин, потому что порции подавали здесь огроменные. Или же когда разомлела от одной кружки яблочного эля, и Акселю пришлось тащить меня на себе на второй этаж, где располагалась моя комната. Или за то, что они терпеливо помогали забираться на лошадь и тайком лечили мою страдавшую с непривычки заднюю часть…

Магов было трое, и всем им я была несказанно благодарна.

Затем, когда до замка оставались примерно два часа пути и я уже утомилась рассматривать однообразные, но, несомненно, прекрасные горные виды, а Аксель порядком утомил меня своими комплиментами и рассказами о том, какой из него выйдет отличный муж, из-за очередного поворота показалась новая партия магов.

И тоже по мою душу.

Впереди на великолепном вороном жеребце гарцевал молодой, светловолосый и сероглазый мужчина с уверенным, но каким-то слишком уж надменным лицом, словно окружающая действительность успела его порядком утомить. Как, впрочем, и меня – голодную и уставшую от многочасовой тряски, но прекрасно понимавшую, что теплого приема в Неприступных Вершинах нам не ждать.

Представился. Звали его Нортен Делгайр, и он был магом Десятой Ступени – на это лицо Акселя Вильма вытянулось – по особым поручениям у его королевского Величества Риона I. Произнеся это, Нортен Дальгайр поморщился, словно и сам до конца не верил в сказанное. Затем уставился на меня, ерзающую в седле, пытаясь поудобнее пристроить давно уже страдающую заднюю часть.

– Вироника Гард, – отозвалась я, перестав ерзать, – дочь покойного лорда Ариана Гарда и единственная наследница Неприступных Вершин.

Правда, это еще предстояло доказать.

– Рад с вами познакомиться, леди Гард! – вполне любезно отозвался маг. – Как вы уже догадались, я и мои спутники, маги Седьмой Ступени, прибыли сюда ради вас. Конечно же, по королевскому приказу.

– И чем же я… гм… заслужила столь пристальное внимание его величества короля Риона?

– Его высочества, – поправил маг. – Приказ исходил от наследного принца Стефана.

К этому времени я успела неплохо его рассмотреть. Магу Десятой Ступени вряд ли было больше тридцати, и он показался мне вполне симпатичным. Если, конечно, кому-то нравятся наглые типы с самоуверенным взглядом и саркастической улыбкой – нет же, усмешкой, – которая, казалось, намертво приклеилась к его губам. К тому же он оказался отлично сложен, мускулист и загорел. Держался верхом на лошади так, словно на ней и родился, и, подозреваю, роста был немалого.

Но сердце мое нисколько не дрогнуло, когда Нортен Делгайр окинул меня оценивающим взглядом, задержавшись на подчеркнутой узким лифом и дурацкими рюшами груди. Наверное, потому что это самое сердце привычно наполнялось теплом, стоило мне лишь подумать о принце Стефане Бранте, на Королевский Отбор к которому съезжались девицы со всех концов света.

…Только вот найти свою единственную наследнику престола будет совсем непросто!

В это тоже успел меня посвятить неутомимый Аксель Вильм, рассказавший, что до страшной катастрофы, потрясшей устои драконьего мира – принц тоже был драконом, и Аксель, и все мои сопровождающие – да тут целый мир состоял из одних драконов!.. Так вот, до той ужасной катастрофы, случившейся три с половиной столетия назад, драконы чувствовали свои Истинные Пары, с которыми… гм… вили гнезда и жили в любви и согласии до конца своих дней.

Но древний артефакт, созданный Пращуром для поддержания божественного равновесия, был уничтожен. Разбит оголтелой любовницей одного из королей династии Брантов на мелкие кусочки, собрать которые не представлялось возможности.

С той поры, когда божественное равновесие было нарушено, драконы больше не чувствовали притяжения Истинных Пар. Выбирали суженых на глаз, надеясь, что сердце подскажет, и молились Пращуру, чтобы не ошибиться.

То же самое собирался сделать принц Стефан. Выбирать сердцем, но при этом не забывать о государственных интересах Улайда. Его невестой могла стать любая – и дракон, и человек, и даже демон – в Улайде спокойно относились к смешанным бракам.

– Демоны? – растерялась я, затем кашлянув, добавила: – Ну конечно же, демоны… А почему бы и нет?

…Как же много я узнала за эти дни!

Например, о том, что у всех драконов была способность управлять магическими потоками, которую они получали через свою вторую ипостась. Но в Улайде жили и простые люди – как я, например! – родившиеся без способности превращаться

в крылатых ящеров. Правда, многие их них все равно обладали магией – людской, отличной от драконьей.

Но так как я ничем не обладала, то… По словам Акселя, в Улайде встречались и такие, без какого-либо дара. Поймав сочувственный взгляд мага Шестой Ступени, я на миг почувствовала себя обделенной, но затем приказала себе не заниматься ерундой.

Мне вовсе не на что было жаловаться! Я выжила, столкнувшись с Темными фанатиками в пещере возле алтаря, а затем сорвавшись со стены в тюремном колодце. Папа оставил мне наследство – огромное состояние вместе с родовым замком династии Гардов в придачу. К тому же я больше не чувствовала себя сиротой из ниоткуда, потому что оказалась родом из Улайда. У меня были родные дед и бабушка, пусть давно умершие, но они все же были! И еще троюродный дядя, обманом захвативший замок моего отца…

Но он тоже был!

И я твердо собиралась выполнить обещание, данное папе перед его смертью, а затем хорошенько подумать, стоит ли мне возвращаться домой. В родной мир, где меня никто не ждал, кроме, быть может, нескольких задолженностей по пропущенным контрольным в Спортивной Академии и пары несданных рефератов.

Да, еще была моя детская группа по акробатике, и мне очень нравилось возиться со своими воспитанниками. Но, на крайний случай, ее Кира заберет…

Я собиралась подумать об этом позже – о своей группе, рефератах и возвращении на Землю, а пока что…

– И какой же приказ отдал вам наследный принц Стефан? – поинтересовалась у новоприбывшего мага.

Вместо ответа тот полез в седельную сумку, после чего протянул мне свиток – и не один, а целых два, вернее, даже три!..

Подозреваю, маг Десятой Ступени ожидал, что я открою и тотчас же прочту все, что написал мне Стефан, но он жестоко разочаровался. Потому что за эти два дня грамоту я так и не освоила. Решила, что уже достаточно смутила сопровождающих своими… завихрениями, и не стала просить у них показать мне еще и азбуку.

Поэтому протянула письма его высочества принца Стефана Акселю, шепнув, что очень устала с дороги. Не мог бы он?.. Аксель понимающе кивнул, затем пробежал глазами первый свиток, после чего показал мне печать с драконом и размашистую подпись наследного принца. Открыл было рот, чтобы зачесть все это…

И я подумала, что, судя по длине свитков, мы вполне могли бы здесь заночевать.

Но не заночевали, потому что мага Шестой Ступени перебил маг Десятой.

– Не стоит утруждать слух леди столь скучным чтением, – произнес он язвительно. – Я вполне могу и на словах разъяснить цель своего прибытия. – Кажется, он счел меня безграмотной кокеткой в расшитом красными тюльпанами розовом платье. – Леди Вироника Гард приглашается на Королевский Отбор в Ализею, и я прибыл для того, чтобы сообщить ей эту, несомненно, радостную весть.

Это он произнес с нескрываемым сарказмом, но я решила не брать противного мага – как его зовут? Нортен Делгайр? – в голову. Потому что он бы прав – весть и в самом деле пришлась мне по душе.

И я не сдержала довольной улыбки, подумав, что очень скоро увижу своего спасителя. К тому же это приглашение значительно облегчало мою задачу – королева Керрая, мать принца Стефана, подозреваю, обитает в той самой Ализее и обязательно будет присутствовать на Королевском Отборе.

Должна же она убедиться в том, что сын выбрал себе правильную невесту?

– Кроме того, меня послали в этот… гм… излишне гористый край для того, чтобы помочь леди Гард со вступлением в наследство. Лорд Персен, поговаривают, тот еще засра… – тут маг его величества короля Риона I осекся, бросив на меня быстрый взгляд. – Не слишком утруждает себя вопросами морали, – поправил он

себя.

Глава 5

Прием в Неприступных Вершинах, как я и думала, ожидал нас не слишком уж теплый. Впрочем, на словах мой троюродный дядя был вежлив. При этом я не сомневалась, что в своих мыслях Гитте Персен и его дочь Лисабета – полноватая блондинка лет двадцати с капризным ртом, – вышедшие встречать столичных гостей на широкое крыльцо парадного входа замка, многократно пожелали мне и моим сопровождающим провалиться к Темным Богам.

После того, как узнали, кто мы такие и с какой оказией явились в Неприступные Вершины.

Правда, до вооруженной стычки дело так и не дошло, и Гитте Персен не отдал приказ своей многочисленной дружине сразу же порубить мечами шестерых королевских магов и меня в капусту.

Хотя, в мире летающих ящеров куда быстрее можно было дождаться жуткой смерти в драконьем пламени или же погибнуть от боевых заклинаний…

Но нет, Гитте Персен встретил столь сногсшибательное известите молча. Стоял и внимательно слушал Нортена Делгайра, взявшего на себя роль переговорщика, а я, замершая подле мага, чувствовала себя крайне неловко под изучающим взглядом своего родственника. Попыталась даже улыбнуться дяде, жалея, что наша первая встреча вышла… вот таким вот образом!

Потому что еще по дороге в замок я решила, что если Гитте Персен окажется не таким уж засра… Не таким, каким его считают Стефан Брант и Нортен Делгайр, то мы попробуем с ним разойтись полюбовно. Если верить словам Акселя Вильма, то Гарды несказанно богаты, значит мы с дядей могли бы поделить состояние отца так, чтобы никто не остался в обиде.

Ведь Гитте Персен не знал, что папа мой умер совсем недавно, поэтому, как единственный кровный родственник, и предъявил права на Неприступные

Вершины…

Я вглядывалась в красноватое лицо троюродного дяди – здоровяка с редеющими светло-рыжими волосами, одетого в слишком уж тесный парадный камзол, подчеркивающий внушительный живот, – пытаясь прочесть на нем подтверждение своим мыслям. Плотные ноги Персена в черных сапогах уверенно стояли на земле, а на его бычьей шее белела шелковая завязка, стягивающая воротник рубахи, от которой я почему-то не могла оторвать глаз.

Дядя тоже на меня смотрел, и в его взгляде я не увидела ненависти, которой не скрывала его дочь. Нет, на лице Гитте Персена застыла маска холодного безразличия. Он походил на памятник самому себе – словно высеченный из темного камня, – и я даже немного ему сочувствовала. Потому что Нортен Делгайр не собирался щадить чувств того, кто с размахом устроился в отцовском замке, а теперь с царским видом встречал нас на крыльце перед двустворчатыми, гостеприимно распахнутыми дубовыми дверями.

Маг скучающим тоном заявил, что они прибыли сюда по королевскому приказу и сопровождают истинную наследницу Неприступных Вершин, после чего добавил, что он обязательно разберется с теми, кто преступил закон, незаконно присвоив себе чужое имущество.

После этих слов рябое лицо Гитте Персена все-таки вытянулось, взгляд помрачнел, и он впервые взглянул на меня с неприязнью. Но быстро взял себя в руки – потребовал предъявить наши документы и доказательства словам королевского посланника. Но на крыльце свитки читать не стал – развернулся и исчез в распахнутых дверях замка. Ушел, забыв пригласить нас войти, а за ним, словно собачка на поводке, поспешила растерянная Лисабета.

Мы тоже проследовали внутрь, причем без приглашения, сопровождаемые молчаливой охраной.

…До этого момента я ни разу вживую не видела средневековых замков – ни снаружи, ни изнутри, если только на картинках. Глазела по сторонам и не могла поверить, что мой отец отказался от всего этого… От этой мощи – огромных каменных стен, казалось, способных выдержать удары целой армии – как драконье пламя, так и магические разряды; от этой кипящей за воротами, обитыми железными брусьями, жизни – кузнецов, гончаров, торговцев,

босоногой ребятни и веселых девиц, кокетничающих с воинами; от этой красоты – внутреннее убранство Неприступных Вершин, обставленных со средневековым размахом, и кричащее о несомненном богатстве Гардов.

Люстры, паркет, ковры, картины, статуи… Вышколенные лакеи, провожавшие нас внимательными взглядами.

Ну почему?! Зачем? По какой причине отец променял жизнь одного из богатейших лордов Улайда на трехкомнатную квартиру в спальном районе Н-ска и старый дом в Боровке?..

Ответов у меня не было, но я твердо собиралась докопаться до истины. Пообещала себе, что, пусть не сразу, но обязательно во всем разберусь и узнаю, что вынудило лорда Ариана Гарда бросить родовое гнездо, скрывать тайну моего происхождения, проводить год за годом своей жизни над бумагами и запретить мне задавать вопросы о матери, словно папа хотел навсегда вычеркнуть ее из своей и моей жизни.

Но у отца уже больше ни о чем не спросить, и я знала, что мне во всем придется разбираться самой. И начать с родственников…

Правда, говорить мне особо и не пришлось. Светловолосый язвительный маг, любезно присланный принцем Стефаном мне на подмогу, быстро поставил на место попытавшегося было задавить меня авторитетом и царским видом Гитте Персена.

Мы как раз вошли в большой приемный зал, где на стене перед возвышением, на котором стояло большое дубовое кресло, красовался фамильный герб Гардов – парящий в голубом небе Улайда черный дракон. Дядя уселся на свой «трон» и уставился на меня уничижительным взглядом. Словно он был здешним королем, а я – всего лишь смиренной просительницей, которой вот-вот будет отказано.

Только вот я не была просительницей.

Вручив Персену верительные грамоты, Нортен Делгайр развернул перед его носом знакомый свиток, гласящий, что я – дочь Ариана Гарта, и этой подписью, а еще магической печатью, подтвержденной его и моей кровью, папа передает

Виронике Гард права на владение Неприступными Вершинами и завещает состояние Гардов.

Все, до последнего золотого дукара.

В повисшей тишине я приложила палец к нужному магическому пятну, позволив присутствующим вдоволь полюбоваться на вспыхнувшие в воздухе руны.

– Значит, все же дочь Ариана… – пробормотал Гитте Персен хрипло. Дернул за бечевку, ослабляя узел на вороте. – А где он сам?! Где же… Где мой любимый брат?..

– Ваш троюродный брат, – не слишком любезно подсказал ему Нортен Делгайр, – с которым вы всегда были на ножах. Засыпали короля фальшивыми доносами, утверждая, что лорд Ариан Гард якшается с демонами.

– Не может этого быть! – заявила я уверенно, хотя ничего не могла утверждать наверняка. Потому что, оказалось, я совершенно не знала своего отца. – Мой папа бы никогда…

– Ваш отец был полностью оправдан, – успокоил меня маг. – Единственное, доносы добавили ему головной боли. И, стоило лорду Гарду отправиться в странствие, так этот слиз… гм… ваш троюродный дядюшка тут же объявил его мертвым, после чего прибрал к рукам всю его собственность.

После этих слов мне сразу же расхотелось делиться с Гитте Персеном частью наследства, которое, впрочем, преподносить на блюдечке с голубой каемочкой мне никто не спешил. Потому что Гитте Персен засопел, его лицо стало наливаться кровью, а стоявшая позади него и на входе в приемный зал охрана напряглась.

Завидев это, маг Десятой Ступени оживился и впервые посмотрел на моего дядю с интересом.

Мне казалось, что Нортен Делгайр не отказался бы от хорошей драки, чтобы хоть как-то скрасить воспоминания об однообразных часах дороги до Неприступных Вершин. Остальные королевские маги тоже подсобрались, но, к

великому сожалению, промелькнувшему на лице посланника принца, потасовки за мое наследство так и не случилось.

Вместо этого Гитте Персен поумерил свой пыл, заявив, что, может быть, Нортен Делгайр и маг на службе у короля, но нисколько не королевский нотариус. И если я хочу получить свое наследство, то сперва мне придется отправиться в Зольден – город в сутках езды от Неприступный Вершин – и привезти оттуда документ, подписанный тем самым нотариусом, подтверждающий, что завещание моего отца не подделка.

Нет, он нисколько не исключает того, что перед ним стоит родная дочь Ариана Гарта, но в столь серьезных делах, в которых замешаны такие крупные суммы денег и огромные земельные наделы, должен быть порядок.

Но он будет рад этим вечером предоставить нам кров. Его замок – наш замок…

– Вообще-то, это ее замок, – саркастически произнес Нортен, и я поняла, что мой троюродный дядя обзавелся врагом не на жизнь, а на смерть. – Ну что же, если лорд Персен настаивает на порядке в документах, то, так и быть, мы прогуляемся до Зольдена! Но потом, когда я вернусь с печатью нотариуса или же с ним самим, то проверю здесь все, до последней учетной книги и свитка. И Пращур-Дракон мне в свидетели, я не позволю украсть ни единого дукара из наследства леди Гард! А вздернуть на воротах проворовавшегося – на это моих полномочий вполне хватает, – и он уставился на Гитте Персена так, что ни у кого не возникло сомнений, о ком идет речь.

В ответ дядя грозно засопел, но снова сдержался, заявив, что на все воля Пращура.

А я… Я с легким ужасом поняла, что все еще отнюдь не закончено, и нам все-таки придется тащиться в Зольден. Но не ехать же туда на ночь глядя?!

Оказалось, что не ехать, вместо этого отужинать в замке с Гитте Персеном и его дочерью, после чего отдохнуть с дороги, чтобы утром со свежими силами отправиться в путь. И я поблагодарила дядю за столь любезное приглашение, которое, по мне, оказалось как нельзя кстати.

Хотя бы потому, что есть мне хотелось до ужаса. Правда, сперва нам любезно предложили вымыться и передохнуть с дороги.

Очень скоро вышколенная пожилая служанка отвела меня в гостевую спальню на втором этаже замка. Стены ее были обиты декоративными деревянными панелями, а на полу лежали мягкие ковры пастельного цвета. Большую часть комнаты занимала гигантская кровать, накрытая красным лоскутным покрывалом. С потолка свисал полупрозрачный кружевной балдахин, делая ее похожим на ложе сказочной принцессы.

Были еще и мягкие кресла оливкового цвета, и окно, выходящее в вечерний сад, завешенное тяжелыми бархатными шторами. Рядом с кроватью стоял комод с резными изгибистыми ножками, в который, к моему величайшему сожалению, мне нечего было положить. Если только мой рюкзачок со сменной одеждой, бутерброд из которого я давно уже съела, мобильный телефон отключила и засунула в потайной карман, пластиковую бутылку выкинула от греха подальше, а шкатулку со столь важным для меня свитком забрал противный маг Десятой Ступени Нортен Делгайр.

Заявил, что так ему будет спокойнее.

Оставив рюкзак на комоде, подошла к массивному дубовому столу с письменными принадлежностями – сложенными стопкой чистыми свитками и бронзовой чернильницей с торчащим из нее сизым гусиным пером. Коснувшись его, подумала, что жаль… Жаль, что мне некому отправить письмо в этом мире, а то бы обязательно воспользовалась!

Впрочем, куда сильнее роскошной обстановки и мягкой кровати меня порадовала маленькая комнатка с удобствами, по которым я так соскучилась в пути, непривыкшая довольствоваться кустиками в лесу или вонючими выгребными ямами на постоялых дворах. Еще одна дверь вела в просторную ванную комнату, посреди которой стояла наполненная горячей водой – и когда только успели?! – здоровенная бадья. При мысли о том, что смогу принять ванну, я застонала от непередаваемого восторга, потому что, казалось, за два дня пути в меня въелась вся пыль Улайда.

Конечно же, я пыталась вымыться в тазике, выданном мне на постоялом дворе, но это все не то… Не то!

Очень скоро в дверь постучали. Пришла та же заботливая служанка – ее звали Одетта, – которая помогла мне снять одежду, негромко ужасаясь моей худобе и еще тому, что из вещей у меня оказались только это самые платье и сорочка.

Пришлось признаться, что ничего другого у меня нет. Обстоятельства, так сказать, были не в мою пользу, и мои сундуки с вещами…

В общем, соврала.

На это Одетта пообещала привести мою одежду в порядок к ужину, а пока же предложила переодеться в светлый халат, любезно одолженный Лисабетой Персен.

Наконец, приняв ванну и познав все грани блаженства, я надела свое вычищенное платье, после чего кинула быстрый взгляд на осунувшуюся себя в зеркале – ставшую еще более смуглой под летним солнцем Улайда, с горящими от голода синими глазами. Смотрела на себя и думала: неужели это я, бывший мастер спорта, отличница с третьего курса Спортивной Академии, теперь готовая бороться за свое наследство в мифическом Улайде, населенном драконами и наполненном магией, к которой у меня не оказалось дара?!

Пожала плечами – я и без магии обойдусь! – затем поблагодарила Одетту за ее помощь и красивую прическу, после чего отправилась в змеиное гнездо. Вернее, на ужин со своими единственными родственниками. Вышагивала по темно-красной ковровой дорожке, устилавшей полы на втором этаже замка, и рассматривала портреты, развешанные по стенам. Вглядывалась в лица своих давным-давно умерших предков – они все были темноволосыми и похожими на моего отца – и думала о том, что меня ждет в обеденном зале.

Ужин с Персенами грозил перерасти в очередное испытание.

Но я ошиблась, за время моего отсутствия дядя успел взять себя в руки и был со мной крайне любезен. По крайней мере, старался. Много шутил, не забывая постоянно прикладываться к кубку с красным вином, в углу обеденного зала играли что-то крайне незатейливое музыканты, а на большой стол в центре обеденного зала все несли и несли блюда с разносолами, пока не заставили его так, что не осталось и живого места.

Гитте Персен тем временем рассказывал присутствующим о том, какие изменения – несомненно, к лучшему – произошли под его умелым руководством в Неприступных Вершинах. А затем намекнул мне, что если я все-таки окажусь наследницей Ариана Гарда, то он с радостью примет должность управляющего, потому что прежнего, проворовавшегося, он посадил в тюрьму.

И поднял тост за мое здоровье.

На это Нортен Делгайр, похоже, успевший вымыться после длинной дороги, но не растративший своего язвительного настроения, скривился, напомнив дяде, что за воровство в Улайде вешают, и когда будет он разбираться с хозяйствованием моего дяди, то подобного милосердия – заточения в темницу – от него ждать не стоит.

На это дядя помрачнел и снова приложился к кубку.

Затем говорить пришлось мне. Вернее, от меня ждали внятного, с подробностями рассказа о своей жизни, способного пролить свет на столь длительное отсутствие лорда Ариана Гарда. Только вот я не стала никому и ничего не рассказывать. Лишь заявила, что отец умер чуть больше недели назад, когда мы с ним возвращались из странствий на родину, и похоронен в Сундарских Скалах.

Скончался от Красной Лихорадки, которая меня, слава Пращуру-Дракону, не зацепила.

– Конечно же, не зацепила! – тут же подал голос противный Нортен Делгайр, призвание которого, подозреваю, было отравлять жизнь окружающим. – У обычных людей к ней врожденный иммунитет. Болезнь забирает только тех, в ком течет драконья кровь. Напомните мне, леди Гард, – услышав это, тут же насупилась Лисабета Персен, одетая в ярко-желтое платье, делавшее ее похожей на большую осу, – кем была ваша мать?

Но напоминать я ничего не стала. Выдавив из себя улыбку, ответила, что это не его дело, после чего обвела взглядом собравшихся за столом – родственников и магов.

– Значит, иммунитет против Красной Лихорадки? Хоть какое-то преимущество, – заявила им, – для тех, кто не обладает второй ипостасью и обделен магией!

Потому что мне уже порядком надоели сочувствующие взгляды Акселя Вильма и драконье зазнайство Нортена Делгайра!

– У леди Гард преимуществ хоть отбавляй, – сразу же отозвался королевский маг Десятой Ступени, после чего его взгляд остановился в вырезе моего платья. Хотя на его месте я бы пялилась в соседний – там все было куда более… гм… оживленно и специально выставлено напоказ. – Несомненно, одно из них произвело неизгладимое впечатление на нашего наследного принца, – добавил маг ехидно. – Настолько сильное, что леди Гард получила приглашение на Королевский Отбор!

Я раскрыла рот, чтобы возразить, потому что это Стефан Брант произвел на меня самое лучшее впечатление своим благородством и заботой, в отличие от его не слишком уж любезного королевского мага. Но не успела – меня перебил визгливый голос Лисабеты.

– Как это, на Отбор?.. Ее, и на Отбор?! – ахнула троюродная сестричка, а затем воскликнула возмущенно: – Папа, что ты молчишь?! Да ведь она же самозванка! Прикажи немедленно ее казнить, потому что на Отбор должна ехать я! Это я – леди Гард, а не она, ты ведь мне обещал!

– Успокойся, Лисабета! – прикрикнул на нее Гитте Персен, и полные губы его дочери скривились от обиды. – Простите ее, – он кинул на меня извиняющийся взгляд, – она немного не в себе… от радости, что у нее появилась сестра. – Радости в взгляде Лисабеты не было, лишь холодная ненависть. – Моя дочь росла без матери, – продолжал оправдываться дядя, – и я, признаюсь, ее слегка разбаловал. Но характер у нее покладистый, и я уверен, что вы с ней обязательно подружитесь. К тому же Лисабета с радостью одолжит Вероникe часть своих нарядов. Насколько я помню, ее гардероб был утрачен из-за прискорбного инцидента с Темными…

Судя по сверлящему взгляду троюродной сестры, намного быстрее я дождусь от нее кинжала в сердце.

– Спасибо, дядя! – сказала ему. – Но я уж как-нибудь сама. Сама во всем разберусь.

Буду ходить в розовом платье, пока не заношу его до дыр. Или же… Быть может, в том самом Зольдене я смогу приобрести себе нормальную одежду?

Правда, собственные деньги у меня пока еще не водились, а выданное принцем на дорогу я просить не собиралась. Он и так уже… гм… на меня потратился. Вот, даже прислал на помощь мага Десятой Ступени, а его услуги, подозреваю, стоят порядком.

Как бы было хорошо получить аванс из своего наследства!

Тут Гитте Персен вполне ловко перевел разговор на столичные дела и стал расспрашивать у магов об эпидемии Красной Лихорадки, пока еще обходящей Север стороной. Если, конечно же, не считать прискорбного известия о смерти моего отца. Оказалось, дела в столичном регионе обстояли так себе – страшная болезнь только набирала силу. Эпидемия приближалась к Ализее, и не было способа ее обуздать – магия и травники оказались против нее бессильны.

О том, как победить Красную Лихорадку думали лучшие умы Улайда и Несмайра, но способа пока еще не нашли. И каждый день – новые и новые жертвы.

А я внезапно подумала… Уж не были ли записи отца – несколько ящиков, забитых тетрадями, которые я оставила в его запертом кабинете, – как раз этими самыми поисками способа борьбы с заразной болезнью?

На это можно было бы списать папины постоянные отлучки и возвращения на Землю. Ведь у нас вполне развитая медицина и антибиотики.

Задумалась. Как-то… не слишком складывалось, потому что в этом мире есть вполне развитая магия, и одному из этих самых магов удалось вылечить мое сотрясение мозга всего лишь за пару минут. Явный, жирный плюс в пользу здравоохранения Улайда, никаким современным лекарствам такое не под силу!

А тут еще и троюродная сестра напустила тумана.

– Говорят, болезнь напустили на Улайд демоны, – произнесла Лисабета, сменившая гнев на милость. Наверное, потому что на стоявшее перед ней блюдо лакей ловко положил запеченную свиную ногу.

Меня же хватило только на тарелку куриного супа со специями – от него в желудке поселилось тепло и стало клонить в сон.

Взявшись за вилку, троюродная сестра уставилась на мага Десятой Ступени. Ее ресницы вздрогнули и опустились, а большая грудь, обтянутая желтым платьем, призывно колыхнулась. Взгляд Лисабеты стал хитрым, игривым.

И я с недоверием поняла… Надо же, а ведь она кокетничает с Нортеном Делгайром! В своем ли сестричка уме?! На ее бы месте я держалась от королевского мага с тяжелым характером как можно дальше!

– Они открыли один из разломов, – продолжала Лисабет, призывно облизнув губы, потому что маг уставился на нее с интересом, – и захватят Улайд, как только наша армия вымрет от эпидемии.

– Мне по долгу службы крайне любопытно, – с преувеличенным интересом отозвался маг Десятой Ступени, окинув девушку оценивающим взглядом, – кто именно это говорит. И я буду крайне признателен милой Лисабете Персен, если она составит для меня список имен.

Уверена, он снова язвил в своей привычной манере, но недалекая Лисабета, кажется, этого не поняла, увлеченная игрой в соблазнение столичного мага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grinberga_oksana/i-nebo-v-podarok

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити